

ЛЮСИ КЛАРК
**ПРОПАВШИЙ
БЕЗ ВЕСТИ**

От автора бестселлера «Виновато море»!

Настоящая сенсация!

Люси Кларк

Пропавший без вести

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кларк Л.

Пропавший без вести / Л. Кларк — «АСТ», 2017 — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-982633-0

Джейкоб и Марли — лучшие друзья, каждое лето проводившие вместе на тихой отмели. Но однажды мальчики попадают в беду, и из моря возвращается только один из них — Джейкоб. Теперь, на седьмую годовщину этого страшного события, бесследно исчезает уже сам Джейкоб. Полиция ведет поиски. На свет извлекаются старые тайны, ревностно оберегавшиеся местными жителями. Мать Джейкоба, Сара, уверена: доверять нельзя никому. Ведь кто-то на отмели знает о том, что в действительности произошло с ее сыном. И сделает все, чтобы сохранить это в тайне...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-982633-0

© Кларк Л., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Люси Кларк

Пропавший без вести

*Посвящается Дарси Рен,
новому члену нашей семьи*

Пролог

Я всплываю на поверхность и откашливаюсь, от соленой воды жжет горло. Отчаянно перебираю ногами, пытаюсь продвинуться к лодке. Ее гигантский твердый корпус совсем рядом. Я цепляюсь за него побелевшими пальцами, но руки скользят, и в рот опять заливается вода. К счастью, кто-то хватает меня и уверенно тащит вверх. Я бьюсь коленкой о борт – и вот я на палубе, с меня натекает целая лужа. Сморгнув слезы и соленые капли, я замечаю чье-то лицо, наполовину скрытое бородой. Темные глаза ловят мой взгляд. Накинув мне на плечи колючее одеяло, мужчина задает кучу вопросов.

Я молчу. Все тело трясет. Смотрю на ноги – они ужасно бледные, будто обескровленные. Посреди лодки высится темная башня из клеток, внутри которых, стуча хвостами и клешнями, шевелятся омары.

– Что произошло? – снова и снова спрашивает мужчина.

Его голос звучит где-то далеко, и я по-прежнему не отвечаю – не могу оторвать взгляд от омаров. Они вовсе не красные, как на картинках, а черные и блестящие, с белыми прожилками на огромных клешнях. Интересно, эти существа могут дышать без воды? Или я сейчас наблюдаю, как они гибнут на суше? Вот бы бросить их обратно в море, пусть плывут себе на дно... Мы приближаемся к мелководью, и усики омаров подрагивают.

Рядом неожиданно раздается рычание мотора, мелькает размытое оранжевое пятно – спасательный катер. Только теперь я замечаю, что на берегу собралась небольшая толпа, и натягиваю на себя одеяло. Ищут нас.

Нас обоих.

От дрожи стучат зубы. Да, как прежде, уже не будет. Все изменилось.

Глава 1

Сара

День первый, 6:15

Издалека доносится шум набегающих волн. Я лежу с закрытыми глазами, но все равно чувствую, как рассветные лучи проникают в пляжный домик сквозь жалюзи, оповещая о начале нового дня. Только я не готова. Внутри зарождается беспокойство.

Кровать со стороны Ника пуста, простыня прохладная. Точно, он же в Бристоле. Сегодня ему выступать с презентацией. Он уехал вчера вечером, прихватив кусок именинного торта. Джейкоб улыбался, радуясь подаркам на семнадцатилетие. Ник и понятия не имеет, что было дальше.

Я приподнимаюсь, мысли путаются. Только вчера Джейкоб носился по домику, а потом хлопнул дверью так, что открытки разлетелись птицами. Я аккуратно подобрала их, все до единой, в том числе и самодельную с приклеенной фотографией. Сдержалась – не порвала – и поставила обратно на полку, засунув подальше.

Я прислушиваюсь – сейчас наверняка захрапит Джейкоб... Нет, тишина, только волны набегают. Мною окончательно овладевает паника. Слышала ли я, как он вернулся? Бесшумно в пляжный домик не войдешь. Деревянная дверь разбухла от дождя, ее надо с силой толкнуть, потом еще не упасть в темноте, наткнувшись на диван, и подняться по скрипучей лестнице на верхний уровень. Да еще Джейкоб обычно долго возится, укладываясь на своем матрасе.

Сбросив одеяло, в тусклом свете осматриваю домик. Если Джейкоб вернулся, должно быть хоть что-то: снятые у двери кроссовки, брошенный на диван джемпер, пустые стаканы и тарелки в раковине, крошки на столе. Но ничего этого нет, в домике безукоризненная чистота.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в голове, я подхожу к лестнице, что ведет к кровати на верхнем уровне. Там темно – перед тем как самой лечь спать, я опустила жалюзи на маленьком окошке и застелила постель Джейкоба – и ничего даже не тронута. Моего семнадцатилетнего сына нет.

Зажмурив глаза, я мысленно выругалась. Чего еще стоило ожидать?

Не понимаю, как я могла допустить такое, тем более в его день рождения. Мы оба зашли слишком далеко. «Надо не разжигать конфликт, а сводить на нет», – любит повторять Ник. (Спасибо, а то я сама не знаю.)

Когда Джейкоб был маленьким, Ник советовался со мной по каждому поводу: чем лучше заклеить порез на коленке, не пора ли мальчику поспать, что он хочет поесть. Однако в последние годы я почти перестала понимать, что нужно моему сыну. Вот и вчера я растерялась: что ему сказать, как поступить. Наверное, дело в том, что семнадцатилетие – это такая черта, перейдя которую подросток становится взрослым. Я оказалась к этому не готова, поэтому и наговорила столько всего, пытаюсь его вернуть.

Спускаясь вниз, я ощутила, что боль серьезно обосновалась у меня в голове. Как бы я себя ни убеждала, что, скорее всего, Джейкоб заночевал у друзей и явится домой ближе к обеду с жутким похмельем, тревога в груди уже пустила корни.

Кофе, вот что мне нужно. Набрав чайник, я зажигаю горелку – зашипел газ. Рано или поздно этим и кончится – я останусь одна и буду кипятить воду на одну кружку кофе. Какая неприятная мысль...

Я щелкаю кнопку на переносном радиоприемнике, и в домик оглушительно врывается песня. Мы с Джейкобом вечно воюем по этому поводу – он постоянно переключает на свою станцию, хотя знает, что я еще не научилась сохранять частоты, и мне каждый раз приходится

искать четвертую программу вручную. Правда, сегодня утром рев гитар даже приятен. Пожалуй, оставлю. Когда Джейкоб вернется, будет играть его любимая музыка.

Оставшаяся после кофе согретая вода идет на умывание. Рядом есть туалеты, но раковины обычно забиты песком или густыми потеками зубной пасты. Диана и Нил, живущие по соседству, установили бак и нагревают его от солнечных батарей, так что у них всегда есть горячая вода. Айла заявила, что для пляжного домика это несусветная роскошь, но я лишь рассмеялась в ответ и сказала, что обязательно попрошу Ника поставить нам такой же бак.

Из-за горизонта выходит рассветное солнце, освещая зеркальную водную гладь. На террасе свежо и пахнет солью. Мне нравится это время дня, когда бриз еще не гонит волны, когда солнечные лучи мягко ложатся на поверхность моря, а на песке пока нет следов. Будь Ник сегодня здесь, непременно пошел бы поплавать перед работой. А так он проснется в отеле, в ванной без окон сбреет отросшую за выходные щетину, согреет дурацкий маленький чайник в номере и выпьет растворимый кофе. Но я за него не переживаю – он обожает этот прилив адреналина, который испытывает, репетируя свою речь и не забывая приправить юмором перечисление фактов и профессиональных достижений. Его агентство хочет получить заказ на рекламу от одной кондитерской компании, которую Ник окучивает уже несколько месяцев. Хорошо бы. Ему очень нужен этот заказ.

Он очень нужен *нам*.

Домик Айлы стоит вплотную к нашему, между строениями ровно полтора метра. Помню, тем летом, когда нашим мальчишкам исполнилось по семь лет, Джейкоб и Марли натянули между домами простыни, устроив «секретный тоннель из песка». Сквозь деревянные стены было слышно их бормотание, чему мы с Айлой только радовались, ведь обычно ребята играли в воде или на отмели у лесистого мыса.

В ясном утреннем свете заметно, как обветшал домик Айлы. Из-за наспех забитых вчера окон он кажется нежилым, с террасы убрали цветастый шезлонг и решетку для барбекю. Доски кое-где подгнили, между ними видна плесень. Краска слезает и осыпается. Печальное зрелище, ведь когда Айла только приобрела домик, он был ярким и будто живым. «Лимонный шербет» – так она называла оттенок желтого, в который покрасила его снаружи.

К горлу подступает ком. Вначале все было по-другому. Помню, тем летом, когда мы с Айлой познакомились, папа с надеждой спросил: «Ты что, с кем-то встречаешься?»

Я рассмеялась в ответ. Да, я словно влюбилась в нее. Мы проводили вместе каждую свободную минуту. Созванивались по вечерам, подолгу болтали – у меня потом даже щеки болели от смеха и краснело прижатое к телефону ухо. На полях тетрадей я выводила ее имя и постоянно упоминала об Айле в разговорах с другими людьми, лишь бы чувствовать, что она рядом. Нашу дружбу можно было сравнить с вылезшей из кокона бабочкой: вместе мы стали яркими, привлекательными и полными жизни.

Что же случилось с этими девчонками?

«Я тебе здесь не нужна», – злобно прошипела Айла вчера перед отъездом.

Я боялась, что утром буду чувствовать себя виноватой. Буду жалеть о своих словах.

Нет, мне ничуть не жаль. Распрямив плечи, я понимаю: как хорошо, что она уехала.

Глава 2

Айла

Все было почти идеально.

Лучшие подруги, живущие в пляжных домиках на отмели по соседству.

Мы забеременели в один и тот же год и родили сыновей с разницей в три недели.

Наши мальчишки выросли бок о бок, и весь пляж был их песочницей.

Ничто не могло нас разлучить.

Но как ни прекрасно подняться на самую вершину, падать вниз очень страшно...

Лето 1991 года

Почерневшие ловушки для омаров источали сильный соленый запах, а над ними кружила стайка скворцов, чьи перышки переливались на солнце. Присев на корточки, Сара опустила в воду палец, потом с задумчивым видом облизнула его и выдала:

– Чувствуются нотки моторного масла, лебединого дерьма и рыбьих потрохов.

Я ответила ухмылкой. Мы с Сарой познакомились всего час и сорок пять минут назад, а уже стали друзьями. С ней очень весело – она озорная и жутко громогласная, но при этом поднесла руку ко рту с едва ли не виноватым видом.

Нам обеим следовало сейчас торчать в душной студии, набитой слушателями недельных курсов актерского мастерства. В том, что я убила неделю летних каникул, были виноваты мамыны «больные», которых она лечила методом рейки, а Сара записалась на курсы, потому что была готова на что угодно, лишь бы не сидеть дома. В первый же перерыв мы вышли на улицу и, попивая вишневую колу, решили не возвращаться.

Сара взялась за поручни; розовый лак на ее обкусанных ногтях уже стирался. Впереди виднелась золотистая отмель.

– Что там?

– Отмель Лонгстоун. Никогда не была?

Сара покачала головой.

– Мы переехали всего месяц назад. Это остров?

– Почти.

На золотистом песке расположилась кучка разноцветных пляжных домиков. Если бы не лесистый перешеек, соединяющий отмель Лонгстоун с материком, можно было бы подумать, что ее попытки оторваться от земли увенчались успехом.

– И как туда попасть?

– По воде. – Я кивком показала на покачивающийся на волнах паром с оранжевыми перилами. Мотор взревел, когда паром приблизился к пристани. Круглолицый капитан накиннул веревку на широкий деревянный столбик. – Хочешь прокатиться туда?

– Хочу, – ответила Сара, и я поймала взгляд ее блестящих зеленых глаз.

Мы заплатили капитану по пятьдесят пенсов и прошли к задней скамье, где, встав коленями на сиденья, принялись смотреть на кильватер¹.

Солнце освещало чистое гладкое лицо Сары и изящный изгиб губ.

– Кто бы мог подумать, что актерские курсы – это так весело? – с улыбкой сказала она.

Паром добрался до отмели, и мы спрыгнули на шаткий причал, стуча сандалиями по деревянным доскам. Увидев пляжные хижины, Сара воскликнула:

¹ След на воде, остающийся за кормой идущего судна. – Примеч. ред.

– Прямо как мини-домики! Смотри, кровать и полностью оборудованная кухня!

– А летом можно спать вон там. – Я показала на домик с лестницей, ведущей на второй уровень. – Здорово, наверное, просыпаться на мезонине!

Мы сняли обувь и пошли босиком по вязкому теплему песку, держась за руки. Все вокруг были чем-то заняты: две девчушки в спасательных жилетах затаскивали на берег байдарку, пожилая женщина бросала палку своей мускулистой собаке, мужчина в панаме пытался закрепить в песке щит от ветра, используя камешек вместо молотка. А вот семья устроила пикник; салфетки прижаты галькой, чтобы не улетели. У соседней хижины расположились двое загорелых и голых по пояс мальчишек, а рядом, у шезлонгов, стояли две гитары. Я ткнула Сару в бок, и она едва заметно улыбнулась.

Как ни странно, судя по опущенным жалюзи, многие дома пустовали. Где же их хозяева, что им помешало счастливо проводить время здесь?

Вскоре мы подошли к скалистому мысу и песчаным утесам, перелезли через волнолом, отделявший одну пустынную бухту от другой, и двинулись дальше вдоль берега, обходя скопления темных водорослей.

– Может, искупаемся? – предложила Сара.

Я осмотрелась: вокруг никого не было, а голубая вода так и манит. Я с улыбкой стянула с себя футболку и шорты, оставшись в лифчике и трусиках разного цвета.

Сара сняла платье, взяла меня за руку, и вместе мы побежали к воде.

Сара завизжала, когда мы зашли по пояс. Я нырнула в накатившую волну, и ледяная вода заглушила мой крик. Я скользила, забыв обо всем на свете, ощутив силу моря и жжение соленой воды, и вынырнула, когда в легких воздуха больше не осталось. Волосы прилипли к лицу. Море вокруг пенилось и дышало.

Сара со смехом запрокинула голову.

– Давай-ка поймаем эту волну, – предложила я, подплывая к небольшому гребню – хотела изобразить серфинг без доски, но не успела, и волна прошла подо мной. Когда накатила следующая, мы обе бросились ей вслед, раскинув руки. Волна понесла нас вперед под радостные вопли Сары, однако быстро осела пеной. Меня проволочило по песчаному дну, и вот мы, смеясь и кашляя, нетвердой походкой пошли к пляжу.

У края пристани рыбачил парень с густыми темными волосами. Он внимательно посмотрел на нас серьезным, но при этом полным любопытства взглядом. Я заметила, что Сара тоже смотрела прямо на него.

По телу прошла дрожь. Полотенец у нас не было, и мы просто вытянули руки к солнцу, как делала моя мама на занятиях по йоге.

Вот бы провести лето здесь, в разноцветном домике на залитом солнцем пляже! Меня переполняли адреналин и радость от знакомства с новой подругой, поэтому я заявила:

– Когда-нибудь я куплю себе пляжный дом. У меня будет полно книг, свечей, настольных игр и музыки – и я буду жить тут все лето.

– Обязательно заходи ко мне в гости, – добавила Сара. – Ведь я куплю домик по соседству.

Девчачьи мечты – жить рядом, проводить лето на пляже. Кто бы мог представить, к чему эти мечты приведут?

Глава 3

Сара

День первый, полдень

Я пока не звонила Джейкобу – пусть отойдет от похмелья и порадует, что доказал свою правоту матери, не вернувшись вовремя домой. Сейчас, взяв телефон, вижу пропущенный от Айлы. Она звонила вчера вечером, но не оставила никаких сообщений. Может, хотела извиниться?

Набираю номер Джейкоба и, прижав телефон к уху, стучу пальцами по кухонному столу.

Странно, гудки не идут, я слышу лишь автоматическое сообщение о том, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Джейкоб никогда не отключает свой мобильный и разбирается в телефоне на инстинктивном уровне – мне до такого далеко. Вне зоны действия сети он тоже не может оказаться, на всей отмели отличный сигнал. Вероятно, сел аккумулятор, хотя днем мы всегда заряжаем телефоны от солнечных батарей – Ник установил для этого какой-то специальный переходник.

И что мне теперь делать? Торчать в душном домике, ожидая возвращения сына? Вспоминаю нашу ссору: Джейкоб схватил рюкзак и хлопнул дверью с такой силой, что затряслись окна. Когда он выскочил, я подошла к окну и коснулась кончиками пальцев холодного стекла. Если бы не фонарь рыбака, сидевшего на берегу с удочкой, и не свет от лодки Нила, пляж погрузился бы в темноту. Джейкоб исчез во мраке ночи.

Что же случилось с малышом, который с любопытством смотрел на меня, когда я держала его на руках, и морщил свой носик, если я его смешила? Тогда все было намного проще.

Ужасно хочется позвонить Нику и все рассказать, но он наверняка еще на встрече, – а когда узнает, что Джейкоб не ночевал дома, то сразу спросит почему.

Нет, нужно разобраться во всем самой.

Я кладу мобильный в карман и выхожу из дома.

Домик Люка стоит на отмели со стороны бухты, рядом с деревянным причалом для паромов. Родителей Люка я знаю много лет – милая пара, оба врачи с напряженным графиком работы. Люк – младший из четверых братьев и большую часть лета живет здесь один.

Когда я подхожу, скворцы мерцающим облаком срываются с крыши, отбивая крыльями чарующий ритм.

Недавно я подстриглась, и теперь то место у пояса, которое закрывали волосы, кажется обнаженным. Ник уверяет, что ему нравится моя новая прическа, но я боюсь, что со светлым каре, заостряющим черты лица, выгляжу чересчур сурово.

Люк сидит на террасе в пляжных шортах, напротив него загорелая девушка в черном купальнике. В полумраке домика я вижу диван, на котором развалились еще несколько ребят. Я не намерена читать Джейкобу нотации по поводу того, что он не явился домой – просто хочу убедиться, что с ним все в порядке.

– Люк! – с улыбкой кричу я, махнув рукой.

Он выпрямляет спину и слегка прищуривается.

– Да?

У Люка густые светлые волосы и широкая улыбка – скоро станет настоящим красавцем.

– Как вечеринка?

– Отлично. – Он поднимается и выходит с террасы на пляж. Это не радушный прием – он просто не хочет, чтобы я заходила в домик, где полно подростков. Мамам тут не место.

Вблизи я замечаю, что Люк еще не отошел от вчерашнего. Взгляд у него стеклянный, глаза налились кровью.

- Джейкоб еще у тебя?
- Джейкоб? – удивленно переспрашивает Люк.
- Разве он у тебя не ночевал?
- Нет.

Люк оборачивается на свой домик: внутри валяются банки из-под пива и стеклянная тара, полно окурков. У одной пластиковой бутылки отрезано горлышко, а с другой стороны прикреплена фольга – можно догадаться, для чего ее использовали.

- Но на вечеринку-то приходил? – спрашиваю я спокойным тоном.
- Ясное дело. Мы же для него все устроили.

Джейкоб не любит отмечать день рождения, так что я ужасно обрадовалась, когда он заявил, что пойдет к Люку. Я предложила купить им пива и бургеров – вдруг проголодаются, – но он сказал, что все уже организовано. Другими словами: «Не лезь».

Переступая через себя, я интересуюсь:

- А давно ушел?

Потирая голову ладонью, Люк отвечает:

- Не знаю, часов в одиннадцать.

Рановато – особенно для вечеринки в его честь.

- Он обещал вернуться.

Ну конечно.

- Наверное, стоит поискать его у Каз? – с улыбкой спрашиваю я.

Один из ребят, ухмыляясь, кричит из домика:

- Может, он пошел к ней мириться!

Люк бросает на приятеля недовольный взгляд.

Хочется разузнать еще что-нибудь, но вместо этого я прощаюсь.

- До скорой встречи, Люк.

«До скорой встречи?» Я никогда так не говорю.

Чувствую себя идиоткой. Разумеется, Джейкоб у Каз, где же еще! Видимо, Роберт, ее отец, сейчас в отъезде.

Насколько я понимаю, Джейкоб и Каз стали встречаться в начале лета. Я знаю Каз с самого детства и помню ее маленькой светловолосой девочкой с пронизательными зелеными глазами. Она превратилась в уверенную в себе и красивую девушку, и в ее взгляде теперь сквозило лукавство. Однажды я видела, как они вместе лежали на берегу, подстелив плед, и слушали музыку. Каз начала подпевать; что удивительно, Джейкоб тоже подхватил припев. Хрипло выкрикивая слова песни, они трясли головами и смеялись. Каз вскочила и стала танцевать на пледе, как на сцене. Она улыбалась, надувала губки, упирала руку в бок, а Джейкоб ее фотографировал. Наблюдая за этой сценой, я думала только об одном: «Не смей причинять боль моему сыну».

Уходя прочь от домика Люка, я слышу, как одна из девочек говорит:

- Вот это Каз вчера отмочила...

Я замедляю шаг.

– Она просто отрывалась, зачем было ее выпроваживать? – успеваю я уловить чей-то ответ.

Дальше слова звучат неразборчиво. Может, Каз так напилась, что была не в силах дойти до дома и Джейкоб решил проводить ее? Если так, то это ответственный поступок.

Домик Каз стоит ближе к мысу. От одного края отмели до другого всего пятнадцать минут ходьбы, но летом и шагу не ступишь, чтобы кто-то из жильцов не позвал поболтать или

выпить. Я прохожу мимо нашего домика и заглядываю внутрь – вдруг Джейкоб вернулся. Увы, как я и думала, его еще нет.

На террасе соседней хижины я вижу Диану. Она в темно-синей флисовой кофте, застегнутой до самого подбородка, хотя на улице уже тепло. Уперев руки в пояс, соседка смотрит в сторону бухты, где Нил, ее муж, садится в лодку.

– На рыбалку? – спрашиваю я.

Немного помолчав, Диана отвечает:

– Осматривает ущерб. Лодку помяли.

– Кто?

– Понятия не имею.

Нил, должно быть, вне себя от злости. Это судно – предмет его гордости.

Диана и Нил купили домик по соседству десять лет назад, но за это время мы так и не сдружились – обидно. Ник с Нилом иногда распивали по бутылочке пива за барбекю, а вот чтобы мы с Дианой засиделись на террасе с бокалом вина – такого я не могла представить. Я даже не знаю, о чем с ней разговаривать.

– Не видела сегодня Джейкоба? – спрашиваю я.

– Джейкоба? А что такое? – отвечает она вопросом на вопрос, глядя на меня искоса.

– Он не ночевал дома, – говорю я, махнув рукой, будто в этом нет ничего такого.

Диана слишком пристально изучает мое лицо.

– Нет. Я его не видела.

– Наверное, он у своей подружки. – Она по-прежнему не отводит от меня взгляда. –

Очень надеюсь.

Будь она одной из моих подруг с детьми подросткового возраста, я бы уже выдала целую историю, что-то вроде: «Джейкоб загулял на свой день рождения. Хотя бы сообщение прислал, а теперь даже на телефон не отвечает! Я жутко перепугалась, но в итоге нашла его – он ночевал у подружки, где же еще!» Другие мамы в ответ закатили бы глаза: «Ох уж эти подростки».

Друзья любят слушать мои истории – родительские жалобы я разбавляю какими-нибудь яркими замечаниями, например: «Джейкоб вчера приготовил ужин на всех, просто взял и приготовил. Спагетти болоньезе. Боюсь представить, что за проступок он так заглаживает».

Разумеется, я не выдаю все *до конца*. Только мы с Ником в курсе, что в шестом классе Джейкоб прогуливал уроки. В середине четверти нам позвонил его классный руководитель.

– Джейкоб прогульщик? Куда же он ходит? Что с ним не так? – чуть не плача, спрашивала я у Ника.

Муж обнял меня за плечи, прямо как в юности, и с улыбкой ответил:

– Помнится, вы с Айлой тоже пропускали занятия.

– Это же была не школа, а актерские курсы.

Ник только улыбнулся еще шире.

О том, что весной Джейкоб сломал два пальца на ноге, я тоже никому не рассказывала. Будь это результат падения со скейтборда, вышла бы отличная история, но на самом деле Джейкоб ударил ногой по плинтусу, когда я заявила, что не отпущу его с друзьями в Гластонбери.

Не доходя домика подружки Джейкоба, я замечаю Айзека. Он идет по пляжу и смотрит прямо на меня. Я опускаю взгляд, делая вид, что погружена в свои мысли.

– Сара!

Услышав, как Айзек произносит мое имя, я вздрагиваю, но не оборачиваюсь.

Он бежит за мной по песку. Все тело охватывает жар.

– Сара, стой! – кричит Айзек, почти догнав меня.

Выбора нет.

– О, Айзек! Прости, задумалась, – говорю я, не замедляя шаг. – Бегу к Джейкобу, уже опаздываю!

Пришлось соврать. Краем глаза замечаю, что вид у Айзека встревоженный, руки подергиваются. К счастью, он кивает и отходит в сторону.

Домик Каз и Роберта, выкрашенный в небесно-голубой цвет, немного возвышается над остальными. У отца Каз быстроходный надувной катер серого цвета с гигантским мотором (еще один способ заявить: «У меня огромный член!»), но на причале его не видно, значит, на отмени Роберта нет.

Взбираясь на террасу по деревянным ступеням, я зову ребят по имени, чтобы не застать врасплох. Каз свернулась на диване, одна, с наушниками в ушах, глаза закрыты. Кожа темная от загара, выбеленные волосы спутались. А мой сын?.. Похоже, уже ушел – решил встретиться с друзьями или прогуляться до мыса. Я поворачиваюсь, но Каз вдруг открывает глаза и, удивленная, резко встает и вытаскивает наушники. Она отлежала щеку – осталось красное пятно, – взгляд заметно остекленевший.

– Извини, я просто хотела спросить...

– Я как раз... ухожу.

– Куда?

– К подруге. – Каз поправляет волосы рукой. Я застыла в дверях, не двигаюсь с места. – Хотя у меня есть минутка.

Сажусь на диван рядом с Каз. Стены обшиты вагонкой кремового цвета, на окнах дорогие рулонные шторы в темно-синюю полоску, над раковиной – антикварный барометр. Домик обставила мать Каз, которая затем бросила мужа ради менеджера компании, продавшей им недвижимость на условиях таймшер, и уехала в Испанию. После ее отъезда я ни разу к ним в гости не заходила. В спокойную погоду отсюда открывается чудный вид на безмятежную бухту, чьи воды отмечены лишь точками парусников и морских птиц.

– Хотите чего-нибудь выпить? – не слишком радушно предлагает Каз.

– Нет, спасибо. Шла мимо, подумала, что Джейкоб у тебя. Теперь вижу, что его здесь нет.

– Верно.

– Но он ночевал здесь?

– Нет, – качает головой Каз.

Ее «нет» камнем давит на грудь, вновь поднимая тревогу. *Если не у Каз, то где?*

Она сидит на краешке дивана, готовая вскочить и улизнуть в любую минуту. Может, она мне врет? Не хочет говорить, что Джейкоб ночевал у нее – вдруг я рассержусь. Каз вертит серебряную сережку в виде морского конька в левом ухе, будто четки, а потом снимает ее. Вынув серьгу из правого уха, она кладет обе на стопку журналов, аккуратно сложенных на кофейном столике в деревенском стиле.

Хочется коснуться ее сережек, почувствовать на ладони вес теплого серебра... Я заставляю себя сосредоточить внимание на Каз и спрашиваю:

– Ты знаешь, где он?

– Нет, не знаю.

– Вчера на вечеринке вы виделись?

– В общем, да.

– Говорят, вы ушли вместе.

– А, точно, – отвечает Каз, покраснев. – Да, мы ушли вдвоем.

– Но у тебя Джейкоб не остался?

– Нет.

– Тогда у кого?

Каз раздраженно вздыхает.

– Послушайте, мы гуляли по пляжу и остановились поболтать у вашего дома. Потом я пошла к себе, вот и все.

– Он вернулся на вечеринку?

– Не знаю. Возможно.

Друзья Люка говорили о том, что Каз вчера что-то «отмочила», и Джейкобу пришлось ее «выпроваживать».

– Вы поругались? – Я представляю, как Каз хлопает ресницами, флиртуя с парнями, а Джейкоб наблюдает за ней со стороны.

Каз резко поднимает голову и сердито смотрит на меня. Я явно перешла все границы.

– Настроение у него вчера было не очень. – Помолчав, она добавляет: – Уж вам ли не знать.

В безобидном ответе слышны нотки обвинения, и лицо у меня вспыхивает. Что конкретно Джейкоб ей рассказал?

Язвительное замечание вернуло Каз уверенность в себе. Встав, она уносит к раковине пустую кружку с кофейного столика.

– Если увижу Джейкоба, передам, что вы его ищете.

Я тоже собираюсь встать, однако взгляд вновь падает на сережки в виде морских коньков. Они лежат прямо передо мной.

Каз наливает себе воды, а я, сама того не осознавая, дотрагиваюсь до сережек. Просто хочу рассмотреть их, коснуться всего разок, но меня уже не остановить, и я сжимаю их в руке.

Изнутри все тело переполняют энергия и жар.

Каз оборачивается. Поймав ее взгляд, я улыбаюсь и с бешено стучащим сердцем выхожу из ее дома.

Глава 4

Айла

Я возвращаюсь мыслями к тому лету и прокручиваю в голове все события, будто раскладываю по полочкам коллекцию камушков. Как я дошла до такого? Как все произошло? Когда наша с Сарой дружба дала трещину?

Помню вечернюю пробежку, на которой пришлось отбиваться от комаров, выпитую не в том домике бутылку вина, помню резкие слова, сказанные на террасе у дома Сары, и сорванный со стены снимок. Неужели с этого все и началось?

Нет, все изменилось за несколько лет до этого. Копаясь в зыбком песке под грозовым небом, я замираю при мысли о лодке, на борту которой на берег вернулся лишь один мальчик – один из двоих.

Вот оно. Вот начало всему.

Наверное, это было неизбежно. Как оправиться после такого? Дружбу уже не восстановишь.

А ведь когда-то Сара была для меня всем. Моей семьей, моей родной душой. Тогда я думала, что нас ничто не разлучит.

Лето 1997 года

Прижавшись коленями к металлическому каркасу больничной койки, я держала маму за руку. Было страшно: меня пугал запах увядания в душной палате, пугали мамины костлявые пальцы, на которых раньше блестели кольца, пугали ее истонченные веки, глаза, не открывавшиеся уже два дня, пугало водянистое дыхание, волной прокатывающееся по ее телу. Хотелось заткнуть уши и бежать. Куда угодно, лишь бы не оставаться в палате, наблюдая, как умирает моя мать.

Я не готова.

Какой была наша жизнь? Лежа на выцветшем ковре у камина, я читала книги, а мама сидела в деревянном кресле-качалке. Вместе мы собирали бузину и делали из нее сладкий ликер, который хранился в стеклянных бутылках в кладовой. Десятки незнакомцев приходили к маме на рейки и рефлексологию. В доме пахло лавандой, шиповником и цветками апельсина. Всегда слышался смех.

Рак – коварный воришка. За четыре месяца он украл у мамы почти все: она обессилела, не могла ходить и больше не пела песни. Она постепенно угасала, и в итоге от нее осталась лишь тень. Я понимала: воришка не успокоится, пока не заберет с собой и это жалкое подобие мамы, только я все равно не была готова отпустить ее.

Крепко сжимая ее руку, я молча умоляла: «Мне всего девятнадцать, мама. Не покидай меня. Прошу...»

Но она ушла.

Ускользнула, хотя все это время я не выпускала ее руку.

Ночная медсестра с короткими черными волосами слегка сдвинула шторку. Может, она уже научилась по лицу отличать живых от мертвых, а может, аппараты затихли, и настала сопутствующая смерти тишина. Сестра тихо подошла ко мне и положила руку на плечо.

– Держись, детка. Все будет хорошо.

Я не могла пошевелиться и по-прежнему молча держала маму за руку.

Зажмурившись, я сжала ее ладонь еще сильнее, но пальцы уже были холодными.

В день похорон я стояла в прихожей и смотрела, как люди топчут наши ковры, пачкают наши бокалы и оставляют запах духов и лосьона после бритья в нашем доме, будто стирают последние следы того, что мама здесь когда-то жила.

Протиснувшись сквозь группу ее подруг с йоги, я вошла на кухню. Где же Сара? После смерти мамы она ночевала у меня. Укрывшись одеялами, мы сидели в саду на покрытых плесенью подвесных креслах, курили и болтали. Мы с мамой всегда жили вдвоем; с братьями или сестрами горе не разделишь – у меня их не было, а отец, шеф-повар из Шотландии, с которым она познакомилась в отпуске, не желал принимать участия в моем воспитании. Так что Сара стала для меня всем. В ее присутствии мне было легче, ведь Сара тоже любила мою маму. Она примеряла вместе с нами парики, вставая перед зеркалом в смешные позы, искусно повязывала яркие шарфы маме на шею, чтобы скрыть опухоли, подкрашивала ее щеки румянами перед походом к врачу. Мама называла ее «Солнышко Сара».

Вот она, улыбаясь, разносит напитки и благодарит всех за то, что пришли – мне на это не хватило духу. Заметив меня, она похлопала ладонью по карману брюк, в котором, судя по прямоугольным очертаниям предмета, лежала пачка сигарет, и показала в сторону сада. *Покурить на улице.* То, что нужно.

Я пошла через гостиную к выходу в сад, но вдруг заметила, как крупный мужчина с клоками седых волос на макушке сел в мамино кресло-качалку. Кресло протестующе закрипело под его весом, а мужчина все равно начал раскачиваться, с каждым движением задевая стену спинкой. Он открыл рот, демонстрируя всем присутствующим свой розовый язык, и указательным пальцем выковырнул что-то из зубов. Потом облизнул палец и стал постукивать им по подлокотнику, оставляя на полированном дереве блестящие следы.

Из моего горла вырвался полный ярости крик:

– Нет! – Все резко замолчали и посмотрели в мою сторону. – А ну слезай с мамино кресла!

Седовласый мужчина перепугался. Брови и уголки рта опустились. Он неуверенно встал, рассыпаясь в извинениях. Его взгляд заметался по гостиной, как бы говоря: «Помогите же мне».

Кто-то взял меня под руку. Сара, бледная и встревоженная.

– Айла?

Изнутри что-то ужасно давило на грудь.

– Мне... мне лучше... уйти отсюда.

– Хорошо, – сказала Сара. – Иди.

Я бросилась из гостиной в коридор и выбежала через заднюю дверь, ощутив прохладный воздух и застучав в такт сердцу красными туфлями по мокрому тротуару.

Пляжные домики тихо ютились на отдаленной отмели, пастельными тонами смягчая темное грозное небо. Когда к причалу подошел паром, я ни на секунду не задумалась о брошенных гостях и даже о Саре, вынужденной ждать, пока все разойдутся, – я просто взяла и села на борт. Через несколько минут я уже стояла на отмели, омываемой беспокойным серым морем. По щекам текли слезы, капая с подбородка на платье. Я не взяла пальто, даже кардиган не накинула, и теперь ветер пронзал меня до самых костей. Дрожа одновременно от холода и всхлипываний, я обхватила себя руками и смотрела в лицо начинающемуся дождю, уверенная, что выдержу это испытание – стану танцевать, несмотря на холод и обжигающее меня изнутри горе. Однако мрачный романтизм этой затеи быстро угас, и я поспешила спрятаться под наклонным навесом одного из пляжных домиков.

Переживая дождь, я заметила в окне написанное выцветшими чернилами объявление: «Продается».

Когда-то дом был выкрашен в ярко-голубой цвет, но со временем краска облезла. Дерево кое-где сгнило, а терраса, на которой я стояла, по углам покрылась плесенью. Сквозь щели в деревянном настиле проросла трава.

Жалюзи были опущены не до конца, и я прижалась лицом к влажному стеклу, заглядывая внутрь. Комнатку загромождали шезлонги, решетка для барбекю и ветровой заслон. Выгоревший на солнце диван был завален узорчатыми подушками. На полке, сделанной из вынесенного на берег бревна, остались следы засохшего воска. В дальнем углу домика виднелась небольшая кухонная зона с древней газовой духовкой. Над стойкой с приправами столетней давности на крючках висели кружки. Несочетающиеся цвета и узоры напомнили о мамином бунгало, и я поняла, что хочу этот домик.

Хочу больше всего на свете.

Он станет отличным уединенным местом для отдыха. Отсюда можно любоваться надвигающимся штормом. Здесь я смогу восстановиться и начать все сначала.

Отмель окутала меня ревом моря и свежим солоноватым дыханием.

В тот момент я была уверена, что это верное решение. Я приобрела домик на деньги, вырученные от продажи маминого бунгало, хотя все уверяли, что вкладывать наследство в хижину на пляже – просто безумие. «Лучше бы купила кирпичный дом!» Но в девятнадцать лет мне было не до выплат по ипотеке. Мне нужны были только море и свобода. Я хотела все делать по-своему.

Летом буду жить в пляжном домике, а с наступлением холодов сниму коттедж – выйдет недорого, ведь зимой, когда разъезжаются отдыхающие, они все равно пустуют.

Чем не план?

– Держай! – поддержала меня Сара. Мы заказали китайскую еду и сидели на полу бунгало в окружении коробок – собрали кучу вещей для благотворительных магазинов. – Твоя мама наверняка бы одобрила.

Я кивнула в ответ, ведь Сара была права.

Отложив тарелку, она обняла меня и прижала к себе.

– Все изменится, Айла. Этот домик станет для тебя началом новой жизни.

Сара и здесь не ошиблась.

Глава 5

Сара

День первый, 18:00

Я наливаю себе бокал вина. Тиканье часов лишь подчеркивает тишину в доме. Джейкоба все нет. Тревога внутри меня становится все настойчивее, будто гость, которого никто не хочет слушать.

Звенит мобильный на кухне – пришло сообщение. Я хватаю телефон и тыкаю в экран, но это не от сына, а от подруги. Приглашает на юбилей, ей скоро сорок. Даже не дочитав до конца, я переключаюсь на список звонков и вижу, что набирала Джейкобу уже с десятков раз – а в ответ неизменно слышала все то же автоматическое сообщение.

Я осушаю бокал и наливаю еще. Надо бы пить помедленнее.

Весь день я провела в надежде, что вот-вот Джейкоб зайвится домой, но сейчас уже шесть вечера. Страх в груди растет, ведь я уже сутки не видела сына. Он не ночевал у Люка после вечеринки, у Каз его тоже не было. В наш основной дом Джейкоб тоже не мог вернуться, ведь на лето он сдан в аренду.

Я звоню Нику.

Муж берет трубку, слышится какой-то шум – наверное, едет в машине с открытыми окнами.

– Ты за рулем?

– Да, только что выехал из Бристоля.

Зажужжали электрические стеклоподъемники.

– Встреча длилась так долго?

– Да, – отвечает Ник, и по его тону не поймешь, хорошо все прошло или не очень.

Наверняка он сейчас в рубашке и галстук, пиджак лежит на заднем сиденье. Верхняя пуговица расстегнута, рукава закатаны. Ник оставит машину на причале, а сам сядет на паром до отмели. Ему нравится эта пересадка – по словам Ника, это помогает выбросить работу из головы и настроиться на спокойный домашний вечер. Я с гордостью смотрю на него, идущего по пляжу в деловом костюме, когда все остальные бегают в шортах и шлепанцах.

Раньше летом мы ездили туда-сюда, разрываясь на два дома, но последние пару лет сдаем на три жарких месяца наше основное жилище и перебираемся на отмель. Конечно, приходится каждый раз убирать все вещи из шкафов и запирать наше добро в гараже, а это работа не из легких. Джейкоб считает, что мы просто хотим провести побольше времени в пляжном доме, хотя в действительности нам не мешают лишние деньги.

Я сразу говорю про Джейкоба.

– Может, мне не стоит волноваться, но Джейкоб не ночевал дома, и его до сих пор нет. – Мои слова звучат резче, чем хотелось бы.

Ник не устает повторять, что сыну нужно больше свободы. Он и сейчас хочет сказать, что я душу Джейкоба своим вниманием, только вслух этого не произносит.

– До сих пор? – удивленно переспрашивает Ник. – И где же он?

– Понятия не имею. Ушел на вечеринку к Люку, но там не остался. У Каз тоже не ночевал, я проверяла.

– Не похоже на него.

– Знаю.

Я пока не рассказываю о нашей с Джейкобом ссоре, а вместо этого добавляю:

– Кажется, они с Каз поругались.

– А, вон оно что, – говорит Ник, как будто это все объясняет. – Ему просто нужно выпустить пар и зализать раны. Придет, как только проголодается.

Мне безумно хочется верить, что Ник прав. Но перед уходом Джейкоб посмотрел на меня с такой злостью, а потом с силой хлопнул дверью...

Я достаю из кармана сережки Каз в виде морских коньков. Вблизи они смотрятся дешево, к тому же кое-где почернели, а одна из застежек золотая – видимо, от другого украшения. Интересно, Каз вообще заметит пропажу?

Я бы их примерила, будь у меня проколоты уши. Я подношу серьги к свету и представляю, как в этот момент заходит Джейкоб. Что я ему скажу? На смену беспокойству приходит чувство стыда. Я подхожу к шкафчикам и, положив серьги в мешочек, засовываю их в дальний угол ящика, стараясь при этом не думать о его содержимом.

Потом достаю три картофелины для запекания, себе выбираю поменьше. Обмываю, протыкаю в нескольких местах, солю и кладу в духовку. Еще я приготовила мясо в остром соусе, любимое блюдо Ника и Джейкоба. Остается надеяться, что к ужину мы будем за столом в полном составе.

Я выхожу на улицу с бокалом вина. Вечер теплый, немного ветрено. Уложив детей спать, родители выносят на пляж кресла, пьют и болтают, а сонные тени от домиков тянутся к воде. Наши хорошие друзья Джо и Бинкс из ветхого зеленого домика по соседству с Айлой уселись вокруг барбекю, подкладывая веток в огонь. Вид у них подавленный – наверное, уже скучают по своим любимым внукам, которые вчера уехали домой, погостив неделю. Лоррейн, недавно купившая дом на отмели, сидит между Джо и Бинкс с сигаретой во рту и наклоняется к огню, чтобы прикурить. Говорит, для нее это вроде «летнего угощения» – Лоррейн покупает всего одну пачку и растягивает ее на весь сезон.

При виде янтарного кончика сигареты, тлеющего в сумерках, я понимаю, что тоже хочу покурить. Я бросила, узнав, что беременна Джейкобом, а после его рождения лишь изредка баловалась на пару с Айлой и прижимала сигарету к губам, как тайную сладость. Ник бурно протестовал, застукав нас, хотя на самом деле ему нравится вот так вспоминать молодость. В этом вся прелесть старых друзей – они не дают забыть, кем ты был раньше.

Какой была я в возрасте Джейкоба? В семнадцать я носила серебристые туфли на платформе и рисовала стрелки на глазах. Я точно не была близка со своей матерью. Все свободное время я проводила с Айлой.

Как-то вечером мы, семнадцатилетние, поехали на велосипедах в город, прихватив с собой поддельные удостоверения. Нас пустили в клуб, под который переоборудовали заброшенную церковь, и мы несколько часов подряд танцевали. Из двух колонок гремела музыка, наши тела двигались в такт, платья прилипали к вспотевшим спинам.

Айла вытащила что-то из кармана и с горящими глазами раскрыла передо мной ладонь. Я посмотрела на нее и улыбнулась. Мы положили по золотистой таблетке на кончик языка и проглотили.

Ритм ускорился. Кровь стучала в горле.

Танцую с парнем, который коленом раздвинул мне ноги, я запрокинула голову и рассмеялась. Айла подпрыгивала, ее длинные волосы разлетались в стороны. Пульсирующий свет разбивал наши движения на сотни отдельных кусочков.

Прошло немало времени, прежде чем мы вывалились на улицу. Сердце едва не выскакивало из груди, голова шла кругом. Мы протиснулись в лавку с кебабами и стали смотреть, как крутится освещенное яркими лампами мясо, а потом, сняв туфли, устроились с едой прямо на тротуаре. Губы были в майонезе. Мы поели, выбросили обертки в мусорку и пошли к своим велосипедам, держась за руки и покачивая бедрами.

Мы побросали туфли в корзины и помчали вперед сквозь ночь, быстро крутя педали загорелыми ногами. Платье развевалось на ветру. Я въехала на холм и, тяжело дыша, застыла на вершине рядом с Айлой.

Вперед уходила темная дорога. Наклонившись, мы набрали скорость и помчались, ловя момент. Ветер трепал волосы. Ни отражателей, ни шлемов; голые ноги в паре сантиметров от асфальта. Айла улеглась на руль и с визгом вытянула ноги. Я тоже убрала свои ноги с педалей и выставила их в стороны.

С неба падали звезды.

Вместе мы были свободными. Храбрыми. Непобедимыми.

«Когда-то и я была молодой, – сказала бы я Джейкобу. – Не такой, как сейчас».

А еще добавила бы: «Я люблю тебя. Мне жаль. Я совершила ошибку».

Прости меня.

– Джейкоба все нет? – с порога спрашивает Ник.

Я качаю головой.

Ник подходит ко мне – сейчас быстро поцелует в щеку. Не помню, когда мы перестали целовать друг друга в губы, но мне этого не хватает. Когда он наклоняется, я подставляю для поцелуя губы. Мы бьемся подбородками, как неуклюжие подростки, и Ник смотрит на меня с легким удивлением.

От него пахнет лосьоном после бритья и освежителем из машины. Осенью Нику исполнится сорок три, и, на мой взгляд, он отлично выглядит для своих лет: густые русые волосы, морщинки от улыбок, а не от хмурых взглядов. Ник достает из холодильника пиво и плюхается на диван.

Я наливаю себе еще вина, но не сажусь.

– Как прошла встреча? – интересуюсь я, хотя на самом деле хочу поговорить про Джейкоба.

– Да вроде нормально. Господи, трудно сказать. Проторчали там весь день, но у них предложения еще от трех агентств. Наверное, будут смотреть по стоимости.

– Еще от трех? – Прежде Ник говорил, что у него в конкурентах только одна лондонская фирма. Он на удивление спокойно пожимает плечами.

– Когда будет известно точно?

– В пятницу.

Сделав глоток вина, я меняю тему.

– Поразительно, от нашего Джейкоба до сих пор никаких известий.

– Что сказал Люк?

– Что Джейкоб пробыл у него до одиннадцати, а потом ушел вместе с Каз – они, я так понимаю, поругались. Домой она пришла одна. – Я добавляю, что подслушала слова ребят о том, как Каз напилась.

– Днем все было хорошо? – Я молчу, вспоминая нашу с Джейкобом перебранку. Ник знает меня слишком хорошо. – Вы поссорились?

– Из-за какой-то глупости.

– А именно?

В действительности я ничего не забыла. Я помню, каким обвиняющим взглядом смотрел на меня Джейкоб, когда я прошипела имя Айлы, но Нику об этом знать не стоит.

– Я спросила, понравилось ли ему барбекю, – хотела услышать слова благодарности. Джейкоб не понял моего намека, просто достал телефон и уставился в экран. Пусть он не помогает по дому, ладно уж, но вот так меня игнорировать? Я стала ворчать, что он целыми днями не может оторваться от мобильного. Он взорвался. Я ответила. Вот и все. Наверное, не стоило лезть к нему, тем более в день рождения.

– Это не дает ему права грубить. – Я пожимаю плечами.

– И потом ушел?

– Вылетел, хлопнув дверью.

Ник хмурится. Он не чересчур строг к Джейкобу, но грубости не потерпит.

– Я волнуюсь, – честно говорю я. – Его нет уже почти сутки. Я даже не знаю, где он ночевал. У Люка не был, у Каз тоже... Где же он?

– Мог завалиться еще к кому-нибудь из друзей. Или уснуть прямо на пляже, ночью сейчас тепло.

– Тогда бы он уже вернулся. На телефон не отвечает, даже гудки не идут.

– Значит, выключен.

Почему? Почему его мобильный выключен весь день? Пусть Джейкоб не хочет разговаривать со мной, но от остальных-то он не стал бы себя отрезать.

– Думаешь, у них с Каз все серьезно? – спрашивает Ник.

– Не знаю, как Каз, а Джейкоб настроен серьезно. Я вижу, что он влюблен. Но настроение у него... переменчивое. То у него все прекрасно, и он едва не скачет по дому. Вчера утром даже пел, представляешь? Чтобы Джейкоб пел... – Я качаю головой. – А потом раз – и он в полном унынии, потому что они поругались или она прошла с другим парнем.

– А что Каз? У нее нет таких чувств?

– Честно говоря, понятия не имею, – со вздохом отвечаю я. – Просто она куда более... уверенная в себе, чем Джейкоб.

– Возможно, они поссорились, и Джейкобу нужно время остыть? Что ж, дадим ему еще пару часов. Ты ведь знаешь, какие мы, Саймондсы, – в плохом настроении нам надо побыть одним, побродить по лесу, выпустить пар. Джейкоба сейчас переполняют чувства. Понятно, первая любовь...

Ник краснеет.

Ведь это он не обо мне.

Первой любовью Ника была Айла.

Глава 6

Айла

До Сары Ник был моим. Мы все делаем вид, что забыли об этом неловком моменте, но прошлого не изменить.

Я познакомилась с Ником, когда купила пляжный домик. У его родителей, Дэвида и Стеллы, был дом по соседству, совсем новый, с современными окнами и навороченной плитой – даже круче, чем у мамы в бунгало. Они постоянно рассказывали мне о своих сыновьях: двое, врачи, уехали на стажировку в Америку, а младший, Ник, заканчивал учебу в сфере делового администрирования и собирался приехать к ним на лето.

Я ожидала увидеть бледного заучку, а передо мной предстал загорелый парень спортивного телосложения. Мне понравилась его непринужденная манера общаться, а какая улыбка озарила лицо Ника, когда он впервые пожал мне руку...

Первые два дня мы были друзьями, а уже на третий стали любовниками.

Лето 1998 года

– Лимонный шербет, – сказала я Нику, стоя на стремянке, и окунула кисть в краску. Босыми ногами я ощущала, что лестница нагрелась на солнце.

Ник глянул вверх, держа в руке клеевой пистолет.

– Так мама назвала бы этот цвет. Она покрасила в такой же оттенок дверь в мою комнату. – Я аккуратно водила кистью по стене домика. Солнце грело спину, монотонный ритм работы успокаивал.

– У тебя была желтая дверь?

– Все двери в доме были разного цвета. В маминой спальне, к примеру, салатовая, – ответила я, вспомнив оставшийся на ней след от моих маленьких пальчиков – я тогда вляпалась, краска еще не высохла. – В ванной – оттенка «синий лед», на кухне – сливово-фиолетовая. Оценивая бунгало, риелтор дала совет: перед продажей перекрасить их в «более нейтральные цвета».

Ник рассмеялся. Он явно хотел узнать что-то еще о моей матери, но я попросила его сделать радио погромче.

– Классная песня!

Как правило, у меня не было желания рассказывать про маму, я не хотела ни с кем ею делиться. Да и слов мне не хватало. Как описать фиалковые пятнышки на радужной оболочке ее глаз? Сможет ли Ник представить, как она закалывала пучок волос карандашом? Он понятия не имел, что моя мама играла на флейте с закрытыми глазами, покачивая в такт головой, и удивился бы отсутствию обеденного стола – мы с мамой пили чай с печеньями, сидя в кровати, брали бутерброды с джемом с собой на прогулку и варили густые супы на костре в саду. Я не рассказывала Нику о том, как временами мама замыкалась в себе, а когда я приносила ей книги и еду, она гладила меня по голове, приговаривая: «Моя дорогая Айла-ла». Яркий, противоречивый человек; она только моя.

А вот у Ника было полно кузенов, тетюшек и дядюшек, а также бабушек и дедушек с обеих сторон. Его родители устраивали семейные ужины, в доме стоял смех и гомон. Я с удовольствием у них бывала. Отец Ника относился ко мне как к необычному пациенту с труднодиагностируемым заболеванием, а мать поглядывала искоса и говорила тихим голосом. «Она от тебя в восторге, – с улыбкой уверял Ник. – Естественно».

Сейчас Ник сосредоточенно заполнял трещины в дереве, и над верхней губой у него выступил пот. Поразительно, с какой уверенностью он относился к миру и своему месту в нем.

Ник отлично устроился в жизни – мне такого не дано. Моя мама взяла бы лицо Ника в руки и сказала бы: «Ты просто нечто».

– Что? – спросил он, заметив мой взгляд.

– Жаль, мама тебя не увидит, – с улыбкой ответила я.

Ник подошел к стремянке и поцеловал мою лодыжку.

В тот вечер Сара пришла со спальным мешком.

– Можно у тебя переночевать?

– Конечно. – Я сидела на коленях у Ника и встала, чтобы обнять подругу. – Сегодня день рождения Мэгги, да?

Сара кивнула. Мэгги, ее старшая сестра, погибла за год до нашего с Сарой знакомства.

Я взяла ее за руку и повела в домик.

– Осторожно, краска еще не высохла.

– Лимонный шербет, – улыбнулась Сара. – Супер.

Ник крепко обнял Сару и сказал, что пойдет в паб «Веревка и якорь». Я была невероятно благодарна ему за это – Ник всегда понимал, когда нам с Сарой надо остаться наедине.

Было тепло и безветренно. Мы взяли сигареты, разожгли на берегу костер и устроились рядом, попивая дешевое французское пиво.

Я придвинулась к огню, грея ладони. Сара вдруг сказала:

– Мяч бросила я.

В темноте я не видела выражения ее лица, но сразу поняла, о чем идет речь. Когда Мэгги сбила машина, она бежала за мячиком. Сара как-то рассказывала, что у лежавшей посреди дороги сестры задралась школьная юбка, открывая всеобщему взору розовое белье с мышкой – слишком детское. «Все увидят ее трусики, стыдно-то как!» – первым делом пришлось Саре в голову.

– Это я его бросила, – повторила она, вороша костер палкой. – Такой мяч-прыгун, размером с кулак, весь блестел серебристым, когда отскакивал. Моя любимая игрушка. Я просто держала его в руке, а потом... наверное, случайно выронила, и мяч поскакал. Мэгги побежала за ним. Она не споткнулась, не упала – не глядя вышла на проезжую часть и потянулась за мячом. Я увидела автомобиль: ярко-красный, с блестящим плоским капотом и выдвижными фарами, помнишь, как у старых спорткаров? Такие квадратные, угловатые. Я крикнула: «Машина!», но... – Я переплела пальцы с пальцами Сары и крепко сжала. – Как бы я хотела все исправить, – прошептала она, положив голову мне на плечо. – Сегодня ей исполнился бы двадцать один год.

– Ты не виновата, – шепнула я в ответ. – Это был несчастный случай.

На щеках Сары заблестели слезы.

– Знаешь, что сказала моя мама в день похорон? Мы сидели за столом на кухне в ожидании катафалка. Отец наверху ходил туда-сюда. Затем он, видимо, остановился у комнаты сестры – скрипнула дверь, и я услышала приглушенный всхлип. Мама закрыла глаза ладонями и стала трясти головой. «Запомни, Сара! Запомни! Нельзя играть с мячом у дороги!» Она даже смотреть на меня не могла.

Той ночью, как часто бывало, мы с Сарой заснули на пляже под присмотром звезд, а к рассвету, дрожащие и мокрые от росы, перешли в дом и легли на диван, натянув на себя несколько одеял.

Когда пришел Ник, мы спали, свернувшись, будто плотно закрытая раковина, внутри которой таятся жемчужины скорби.

Семь месяцев спустя я оказалась в зале отправлений аэропорта Хитроу. Сара стояла напротив, скрестив руки.

– Ты в курсе, что разбила Нику сердце?

Я откинула голову и закрыла глаза.

– Хватит.

Рюкзак давил на плечи и пояс, давил приятно, как крепкое объятие. Приятно было осознавать, что все необходимое на ближайший год со мной.

– Могли бы поехать вместе.

Я выпрямилась.

– Он обожает свою работу. Зачем ее бросать.

Ник только что устроился руководителем отдела маркетинга в крупное агентство, которое обслуживало важных клиентов. Ему там так нравилось, что по утрам он прямо вскакивал с кровати.

– Дело ведь не только в работе? – Сара не сводила с меня глаз.

– Прости.

Она обиделась, решив, что я бросаю и ее. Действительно, трудно было объяснить, почему я хотела поехать одна. Просто в последние несколько месяцев мною полностью завладели мысли о путешествии, причем в мечтах о нем я никого рядом не видела. Вот я еду в автобусе, упревшись лбом в нагретое стекло, теряюсь в пыльной духоте города, плаваю в лагуне – только я, и никого больше.

Мне требовалось побыть наедине с собой. Ник постоянно оберегал бы меня, заранее спланировал бы маршрут, заказал гостиницу, а я этого не хотела. Отдаться на волю вселенной и посмотреть, что из этого выйдет, – вот каков был мой замысел.

– Я дождусь тебя, – сказал вчера Ник, когда я запирала пляжный домик.

– Ты не обязан, не надо, – умоляла я, уткнувшись лицом в его шею.

Напоследок он с трепетом поцеловал меня в лоб и, откашлявшись, добавил:

– Айла, хоть мы теперь и не вместе, если тебе понадобится какая-то помощь, звони, хорошо? В любое время дня и ночи, по любому вопросу, не стесняйся. Я всегда отвечу. Договорились?

Со слезами на глазах я еще раз обняла Ника, не понимая, какого черта я решила его оставить.

Из бокового кармана рюкзака я достала серебристый ключ на потемневшей веревке с камушком.

– Держи, – сказала я, отдав его Саре.

– От твоего домика?

– Присмотри за ним, пока меня не будет. Можешь там пожить.

– Правда?

Мысль о том, что дом на пляже опустеет, была невыносима. Я хотела, чтобы в нем жили, радовались, чтобы его любили. Посмотрев Саре прямо в глаза, я добавила:

– За Ником тоже приглядывай, ладно? Я хочу, чтобы он был счастлив.

Сара долго вглядывалась в мое лицо, а потом ответила:

– Хорошо.

Иногда я вспоминаю об этой своей просьбе и думаю: что же я имела в виду?

И как поняла мои слова Сара?

Легко увлечься размышлениями о том, что жизнь могла бы сложиться иначе. Что, если бы ключ от домика остался у меня? Что, если бы я попросила Ника дожидаться? Что, если бы я вообще не уехала?

Это риторические вопросы. Я перестала тратить время на подобные мысли. Я была уверена, что ищу ответы, но теперь, найдя их, поняла, что мне нужно больше.

Намного больше.

Глава 7

Сара

День первый, 20:15

Мы с Ником ужинаем в тишине. Каждый кусочек мяса дается с трудом, я заставляю себя жевать и проглатывать пищу. Потом убираю со стола – хоть какое-то занятие. Порция Джейкоба осталась нетронутой, печеная картофелина обмякла, мясо с соусом потускнело. Я накрываю тарелку пищевой пленкой и пытаюсь засунуть ее в крошечную духовку, под завязку набитую едой. Пару минут я провожу на корточках у плиты, расставляя все заново, лишь бы вместить тарелку.

Джейкоб раньше так не пропадал. Да, бывало, мы ругались, и он уходил куда-нибудь на целый день, а однажды даже не ночевал дома, но он хотя бы прислал Нику сообщение. Я тешу себя надеждами, что и сейчас Джейкоб остался у друга.

Ник с серьезным видом смотрит на часы.

– Ты чего?

– Наверное, надо заявить в полицию.

Внутри меня все сжимается в узел. Ник, всегда готовый успокоить свою жену-паникера, настроен решительно. Однако, он прав, надо звонить. Так почему же я медлю? Да потому что тогда исчезновение Джейкоба, которое сейчас кажется злой выходкой подростка, примет куда более серьезный оборот.

– Четверть девятого, – говорит Ник. – Давай подождем до девяти.

За сорок пять минут ничего не изменится, но подобными ограничениями мы внушаем себе, что держим ситуацию под контролем, хотя в действительности все совсем не так.

– Ладно. Ждем до девяти.

Ник идет подышать свежим воздухом, и я уже было собралась пойти с ним, но по его лицу поняла, что меня никто не звал. Он хочет побыть один.

Когда за ним закрывается дверь, я вдруг чувствую себя в четырех стенах дома, как в ловушке. Безлунная ночь заглядывает в окна. На отдели нет фонарей, густую темноту не рассеивают фары машин, и мрак давит с такой силой, что я едва не задыхаюсь.

На воде мерцает какой-то огонек, проглядывают очертания лодки. Может, это Айзек, и он сейчас тоже смотрит на меня? Покачив головой, я опускаю жалюзи и зажигаю еще несколько свечей на полках, кухонной стойке и подоконниках. Я не в силах сидеть без дела, вот и решаю проверить вещи Джейкоба. К Люку он ушел с рюкзаком – помню, тот свисал у Джейкоба с плеча. Надо посмотреть, вдруг он взял что-то такое, что скажет нам о его намерении побыть некоторое время в другом месте.

Я опускаюсь на колени и выдвигаю ящик Джейкоба. В нос ударяет несвежий запах. Планшет на месте, рядом с ним скомканная одежда: грязные футболки вперемешку с чистыми, носки по парам, джинсы с болтающимся ремнем, сырое пляжное полотенце, из которого сыпется песок. По привычке начинаю все складывать. Отложив аккуратную стопочку в сторону, я достаю старую обувную коробку, где полно всякой всячины: плавник для серфборда, старинные очки для плавания, которые вынесло на берег пару лет назад, колода размякших от соли карт, коллекция крышек из-под бутылок.

За коробкой – бинокль в потертom чехле из черной кожи, который когда-то принадлежал Марли. Помню, Марли, сидя у обрыва, с восхищенным видом смотрел в бинокль на птиц, а потом бежал к Айле и радостно тараторил: «Мама, я видел, как чайка схватила клювом морского паука! Он размером с саму чайку, но она – раз! – и подцепила его. Я видел, видел!»

Айла подарила эту самую ценную для Марли вещь Джейкобу. Я боялась, что мой сын не заинтересуется биноклем, не будет им дорожить, как того хотела Айла, но я зря переживала. Джейкоб обожал разглядывать яхты, проходящие мимо корабли или надвигающиеся тучи.

В чехол засунута тонкая книжечка под названием «Прибрежные птицы Северного полушария». На форзаце надпись почерком Марли: «Марли Берри, 8 лет и 6 месяцев». Ему бы сейчас исполнилось семнадцать. Я помню его непослушные светлые волосы и мечтательный взгляд. Он аккуратно касался моей руки и спрашивал: «Тетя Сара, можно мне воды?» Марли был прекрасным малышом. Моим крестником. Лучшим другом Джейкоба. В детстве мой сын постоянно носился туда-сюда, сбрасывая все с полок и комодов, до которых мог достать, а Марли спокойно сидел на месте, посасывая палец, и наблюдал за происходящим с задумчивым видом. «Мой маленький мыслитель», – говорила про него Айла. Марли, самодостаточный счастливый тихоня, мог часами листать книги сказок или играть с пластиковыми динозаврами, которых я подарила ему на день рождения.

К горлу подступает комок. Когда пропал Марли, Айла целыми днями рассматривала море в бинокль. Заперлась в домике и сидела у окна, неотрывно глядя на волны.

Я складываю бинокль и книгу о птицах в кожаный чехол и кладу обратно в ящик. Достая несесер с туалетными принадлежностями: внутри растрепанная зубная щетка и мыло, завернутое в пакетик. Джейкоб не взял его с собой, но это еще ни о чем не говорит – отсутствие собственной щетки не помешало бы ему остаться на ночь у друга. Еще в несесере лежат дезодорант, бритва и шампунь. На дне – вскрытая упаковка презервативов.

Ничего удивительного, Джейкобу ведь уже семнадцать. У него есть девушка. Все логично. Наивно было бы думать, что они просто обнимаются.

И все же для меня он по-прежнему ребенок.

Я застегиваю несесер и притворяюсь, будто ничего не видела.

У меня это отлично выходит – притворяться.

Джейкоб мне так и сказал.

Перерыв почти все вещи Джейкоба, я нащупываю что-то твердое в одном носке. Засовываю руку и достаю металлическую баночку. В его возрасте у меня была такая же, поэтому я прекрасно знаю, что внутри.

Папиросная бумага, мешочек с табаком и небольшой полиэтиленовый пакет – похоже, с травкой.

Я прислоняюсь спиной к изножью дивана и растираю пальцами щепотку из пакета. Я ни разу не ловила Джейкоба с косяком, хотя подозрения у меня были. Всего пару недель назад он вернулся домой, весь пропахший куревом. Взгляд затуманенный, глаза покраснели, к тому же он опустошил банку с печеньем, а потом тут же принялся за чипсы. Я в это время читала, сидя на диване.

– Ты что, курил? – спросила я.

– Мам, знаешь, костер на пляже тоже иногда... *курится*, – с широкой улыбкой ответил сын.

Я знала, что он врет, но решила не донимать. Слишком редко я видела такую улыбку. Джейкоб плюхнулся на диван рядом со мной. Вблизи было видно, что у него расширены зрачки и расслаблено лицо.

– Нам повезло с домом, правда? Совсем рядом с морем. Рукой подать.

К черту вопросы. Пусть Джейкоб и накурился, я была рада тому, что он просто сидел рядом и вел со мной нормальную беседу. Мы немного поболтали, вспоминая предыдущее лето. А потом я все испортила.

– Каз тоже была на вечеринке?

– Ага.

– Милая девушка, она мне нравится. – Надо было подумать, прежде чем говорить, но следующая фраза уже сорвалась у меня с языка. – Только не спеши, ладно?

Я боялась, как бы Джейкоб не отпугнул ее. Прощая подружка однажды заявила ему: «Эй, полегче! Я тебе не жена. Ты жуткий собственник».

После моих слов выражение его лица переменялось. Он наклонился так близко, что я почувствовала перегар и запах сигарет, и, глядя прямо в глаза, тихо сказал:

– Это я слишком настойчивый? – Затем вдруг рассмеялся, похлопал меня по плечу, встал и добавил: – Отлично поболтали, мам. Просто супер.

Сейчас я подношу к носу травку и вдыхаю. Резкий пряный запах напоминает мне о вечерах, когда мы с Айлой подолгу лежали на пляже, подстелив коврик, и выдували колечки дыма. Если шел дождь, мы устраивались в ее домике в компании Ника.

Я не скручивала сигарету с марихуаной уже много лет, руки так и чешутся в ожидании хорошо знакомых движений. Вот будет забавно, если сейчас зайдет Джейкоб и увидит меня с косяком. Зато помиримся.

Я складываю все обратно в коробочку и убираю ее в ящик. Напоследок еще раз ворошу вещи в ящике – вдруг что-то пропустила – и натыкаюсь на белый конверт без надписей. Он не заклеен, так что я просто открываю его и заглядываю внутрь.

В конверте пачка денег.

Я пересчитываю: ровно пятьсот фунтов грязными купюрами разного номинала.

Летом Джейкоб подрабатывает на пароме, три раза в неделю во второй половине дня. За эти три смены ему платят семьдесят фунтов, но недавно он потратил все на новый скейтборд. И вообще, зачем ему столько денег здесь, на пляже, где их не на что тратить? Почему они сложены в чистый конверт?

Сердце стучит все сильнее, когда я осознаю полную картину: Джейкоба нет уже сутки, его телефон не отвечает, он не взял с собой никаких вещей, а в комод лежат презервативы, марихуана и конверт с деньгами.

Теперь я думаю, что зря не была строгой матерью.

Когда Ник возвращается, я показываю ему свои находки.

Больше всего мужа встревожили деньги.

– Может, он хотел что-то купить? Новый музыкальный центр или, не знаю, велосипед? Или то, что мы ему запрещали, – мопед, например?

– Не знаю, вроде не собирался. – Возможно, Джейкоб копил на подарок для Каз, на какое-нибудь украшение? Она ведь девушка избалованная, привыкла к роскошной жизни.

– А мои родители не дарили ему денег? – спрашивает Ник.

– Двадцать фунтов, – отвечаю я и показываю открытку с чеком. – Одного не пойму: зачем Джейкобу столько денег здесь, на пляже? Тут даже магазинов нет, а крупные покупки почти все оплачивают по карте. И этот конверт... Странно, да? Как будто... не знаю, как будто он намеревался кому-то их отдать.

– Или кто-то их ему дал.

Я крепко сжимаю губы. Никто из нас не смеет вслух предположить, что эти деньги могут быть связаны с продажей наркотиков.

В начале десятого мы наконец звоним в полицию. Ник по моей просьбе включает громкую связь.

Я стою, прислонившись спиной к кухонной стойке, и скрещиваю пальцы. Ник отвечает на вопросы полицейского, и как только он произносит: «Парень, семнадцати лет», офицер сразу немного расслабляется.

Сообщив мы о пропаже девочки-подростка, он слушал бы куда внимательнее.

С другой стороны, будь у меня дочь, я бы, пожалуй, уже давно вызвала полицию. Не стала бы ждать целый день, а позвонила бы с утра, обнаружив, что ребенок не ночевал дома.

Какого черта мы выжидали? Если с Джейкобом что-то случилось, пока мы с Ником медлили, я себе этого не прощу. Я уже представляю, как он застрял между узких камней с вывернутой под неестественным углом лодыжкой или сорвался с мыса и теперь лежит, присыпанный землей и песком.

Полицейский обещает немедленно к нам кого-нибудь прислать, и Ник повторяет, что мы звоним с отмели Лонгстоун и следующий паром будет только в восемь утра, а по-другому сюда не доберешься. Поразительно, многие местные жители никогда здесь не бывали и даже не в курсе, где находится отмель.

Закончив разговор, Ник кладет мобильный на кухонный стол. Мы молча смотрим друг на друга.

Итак, теперь Джейкоб официально считается пропавшим без вести. Заведут дело, явятся полицейские. Такое чувство, будто нас подхватил невидимый поток, и только сейчас я осознаю, как далеко мы от берега.

Глава 8

Сара

День второй, 7:15

Я сплю чутко, все время прислушиваясь – вдруг откроется дверь и войдет Джейкоб, но шагов так и не слышно. Утром я встаю разбитая, с тяжелым сердцем.

Ник уже взял пляжное полотенце и ушел навстречу рассветным лучам. Он доплывет до желтого буйка, вернется, примет душ, чтобы смыть соль. Обычно Ник садится на первый восьмичасовой паром и приезжает в офис раньше остальных, но сегодня он на работу не идет. Будем вместе ждать полицию.

Я вылезаю из кровати и ставлю чайник – срочно нужно выпить кофе. Дует ветер, на море зыбь. Клочок голубого неба скоро затянет густыми облаками.

Я складываю диван-кровать, взбиваю и красиво располагаю подушки, которые Ник, если постель убирает он, просто разбрасывает по дивану. Открыв дверь, закрепляю ее, чтобы проветрить. Отмель не спеша просыпается: две девочки через пару домов, еще в пижамах и с растрепанными волосами, играют у камней. Как же я завидую их родителям: «Ваши дети рядом, вот они!»

Я ставлю дымящуюся кружку кофе рядом с блокнотом. Скоро приедут полицейские, надо составить список всех тех, кто мог видеть Джейкоба в день его исчезновения.

Это вообще подходящее слово – исчезновение?

Итак, на барбекю в кругу семьи нас было всего шесть: я, Ник, Джейкоб, Айла и родители Ника: Дэвид и Стелла.

Затем – его друзья на вечеринке у Люка. Я знаю имена только четырех или пяти и, глотнув обжигающего кофе, делаю пометку: «Снова поговорить с Люком и Каз». Теперь в аккуратном списке одиннадцать имен – от меня хоть какая-то польза. Надо опросить всех: может, кто-то заметил, что Джейкоб вел себя странно в тот вечер...

Поиски должны охватить не только отмель, ведь он мог переждать где-то ночь, а с утра сесть на паром. «Поговорить с паромщиком, вдруг видел Джейкоба», – и я добавляю его имя, Росс Уэйман, в список.

Джейкоб мог уйти и пешком – по тропинке через лесистый перешеек всего час ходу. Если так, то к кому он направился бы и зачем? Все его друзья здесь, на пляже. Джейкоб хорошо ладит со своими тетями и дядями, но оба брата Ника живут с семьями в Америке – Тед с Линдой на восточном побережье, а Брайан, Салли и близняшки – на западном. Поблизости из родных только его бабушка, и хотя она обожает Джейкоба, вряд ли он решил бы искать убежища у нее. Мы редко видимся с моей мамой – только на Рождество и ее день рождения.

Представив, как мама сидит одна за огромным столом из красного дерева, глядя на хрустальный кувшин с водой и изысканные серебряные приборы, я виновато опускаю взгляд. Дом для нее теперь слишком большой. Ложка стучит о фарфоровую тарелку, и звук эхом отдается в оглушительной тишине. Как она это выносит?

Вот бы позвонить ей и рассказать про Джейкоба.

И не важно, что еще совсем рано.

Я набираю номер, слышу ее голос, и к горлу подступает комок.

– Ох, мам...

Полицейские обещали прибыть с первым паромом, но появились только к десяти часам. На фоне моря их темная форма выглядит нелепо.

– Сара Саймондс? – спрашивает мужчина-полицейский, подходя к дому.

– Да, это я.

Соседка Диана, подметающая террасу, отвлекается от своих дел и с любопытством смотрит в мою сторону.

– Констебль Стивен Эванс.

Эванс худой, с изящными, едва ли не женственными чертами лица и закругленным подбородком. Он поднимается на террасу и протягивает мне бледную руку – я ее пожимаю.

– Констебль Джеки Роум, – показывает он на свою спутницу. Роум лет на десять младше меня, ее тонкие каштановые волосы подстрижены под каре, а брови нарисованы карандашом. Под глазами темные круги, на подбородке и вокруг рта – сиреневатые рубцы от прыщей. Пройдя пешком, она раскраснелась. Роум добродушно мне улыбается.

– Входите, – говорю я и предлагаю им сесть на диван. Диана наверняка будет стоять на своей террасе и подслушивать, но если закрыть дверь, в доме станет невыносимо душно.

– Классный домик, – присвистнув, замечает Джеки Роум. – Не думала, что тут так просторно. И еще верхний уровень, – добавляет она, глядя на лестницу.

Впервые оказавшись внутри пляжного домика, все удивляются. Обычно я рассказываю гостям о планировке или предлагаю полюбоваться видом из окошка на втором уровне, но только не сейчас. В данный момент мои мысли заняты Джейкобом.

Почувствовав мой настрой, Эванс достает блокнот и черную ручку.

– Итак, запишем детали.

– Скоро вернется мой муж. Он вышел позвонить.

Я выглядываю в окно – Ник ходит туда-сюда вдоль берега, разговаривает по телефону с кем-то из офиса; вид у него напряженный и взволнованный. Он должен быть рядом, держать меня за руку. Я пытаюсь поймать его взгляд, чтобы позвать, но Ник по-прежнему не отрывает глаз от песка.

Эванс задает мне кучу вопросов, на большинство из которых Ник уже ответил вчера, когда звонил в участок. Констебль все записывает: какой у Джейкоба цвет глаз, правша он или левша, профили в соцсетях, номер телефона, имеется ли у него доступ к счетам. Расспросы длятся целую вечность.

Затем вступает Роум:

– Сара, что вы помните о том дне, когда пропал ваш сын?

Я выпрямляюсь и сцепляю руки в замок. Мой голос звучит спокойно, уверенно – хочу, чтобы полицейские кратко и точно записали все факты. Рассказываю, что у Джейкоба был день рождения, ему исполнилось семнадцать, мы открыли подарки и устроили барбекю, пригласив его бабушку с дедушкой и крестную маму. Говорю, что потом он собирался отмечать с друзьями, но, по словам Люка, у которого проходила вечеринка, Джейкоб ушел около одиннадцати со своей девушкой Каз, при этом Люк был уверен, что Джейкоб еще вернется. Добавляю, что случайно услышала от ребят о том, как сильно напилась Каз, и что вместе с Джейкобом она шла по пляжу до камней у края залива. Возможно, они повздорили, и Каз вернулась домой одна.

– После этого его никто не видел.

Я отдаю Эвансу составленный мной список имен с контактными данными. Для местных жителей я указала номера домов – я отлично подготовилась. Хочу облегчить их работу.

– Как Джейкоб вел себя в последнее время? – спрашивает Роум, наклонившись вперед. Ее нарисованные брови то приподнимаются, то принимают естественный изгиб. – Какое у него было настроение?

– Он был слегка рассеян, – признаюсь я. – Думаю, из-за девушки. Мы с мужем полагаем, что у них *любовь*.

– И как... как все складывалось?

В начале недели я мыла посуду после завтрака, а Джейкоб развалился на шезлонге, задрал ноги на перила террасы, и смотрел в бинокль.

– Что разглядываешь? – спросила я.

Джейкоб тут же убрал бинокль и бросил на меня полный злобы взгляд, словно моя наглая попытка заговорить его поразила.

– Да так. Баклана, – ответил Джейкоб и встал – высокий вырос! – Я к Люку, – проворчал он и быстрым шагом пошел по пляжу.

Мне ужасно надоело ходить вокруг него на цыпочках, так что я со вздохом устроилась в освободившемся шезлонге. Джейкоб оставил бинокль, и я решила узнать, что же он высматривал. Конечно, никаких бакланов видно не было. Джо и Бинкс болтали с Лоррейн и Айлой, которые только что вышли из моря на пляж, зато позади них стояла Каз в купальнике в компании двух парней. Так вот что привлекло внимание Джейкоба! Каз рассмеялась, запрокинув голову, а потом игриво шлепнула одного из мальчиков. «Ревность – страшный яд», – подумала я тогда.

Уж я-то знаю.

– Джейкоб не обсуждает со мной свою личную жизнь, – говорю я констеблю Роум, намекая на подростковую раздражительность. Не знаю, почему я так хочу понравиться полицейским. Может, они станут усерднее искать Джейкоба? – Наверное, как у всех – ревность, ссоры, примирения.

Роум кивает, потом задает следующий вопрос:

– А что насчет ваших отношений с сыном? Вы ладили?

– Да. У нас все было отлично, – чересчур живо отвечаю я.

У Роум звонит мобильный. Она смотрит на экран, выключает звук и извиняется, а я замечаю, что на заставке у нее фотография круглощекого малыша в слюнявчике. Интересно, кто сидит с ребенком, пока мать на работе?

Я ловлю ее взгляд, и Роум улыбается, как будто прочитала мои мысли.

– А где были вы и ваш муж в тот вечер? – интересуется Эванс.

– Я была дома. Рано легла спать.

– То есть в последний раз вы видели Джейкоба перед тем, как он ушел на вечеринку к Люку... – Эванс сверяется с блокнотом, – около восьми.

– Все верно. Муж уехал в Бристоль за час до этого – в понедельник у него была важная встреча, и он не хотел с утра застрять в пробке. – Не успела я упомянуть Ника, как на террасе послышались его шаги.

– Ник Саймондс, – представляется он и по очереди пожимает руки полицейским.

– Ваша супруга как раз рассказывала, что в тот вечер, когда исчез ваш сын, вы были в Бристоле.

– Да, все так. – Пока Ник сообщает, в каком отеле жил и где проходила встреча, я наливаю ему стакан воды.

– Вы с сыном поругались? – вдруг спрашивает Эванс. Видимо, я задумалась и что-то прослушала.

Вопрос застал меня врасплох, и я удивленно смотрю на констебля.

– Ну да, вроде того, – выдавливаю я улыбку. – Ничего особенного, просто не разрешила ему гулять допоздна.

Ник искоса бросает на меня удивленный взгляд.

В ужасе пытаюсь вспомнить, что именно я рассказала мужу о нашей с Джейкобом ссоре. Явно что-то другое... К шее и щекам приливает жар.

Наконец вспоминаю.

– Ну и отчитала его за то, что он не может оторваться от телефона, когда я с ним разговариваю. Да, Джейкоб немного вспылил, но ему ведь семнадцать! Чему удивляться!

Констебль Роум спасает ситуацию, широко улыбнувшись.

Мне не хватает смелости взглянуть на Ника; очень надеюсь, что он тоже купился.

– Ничего не указывало на то, что Джейкоб был в депрессии? – спрашивает Эванс.

– Нет, что вы, – отвечает Ник. – По крайней мере я не замечал. А ты, Сара?

Я соглашаюсь с Ником. У Джейкоба бывают перепады настроения, но я бы не сказала, что он склонен к депрессии.

– Проблемы с психикой?

– Нет, – говорим мы с Ником в один голос.

– Вы просматривали его вещи? – интересуется Эванс. – Ничего не пропало: ноутбук, паспорт, одежда?

– Джейкоб взял рюкзак, но он всегда его берет, когда идет к друзьям.

– Что, по-вашему, там лежало?

– Только бумажник и телефон, а еще, наверное, синяя толстовка с капюшоном. Ее нет в комод. Я проверила: остальные вещи, включая туалетные принадлежности, на месте. Вместо ноутбука у Джейкоба планшет, но его он тоже не брал.

Я объясняю, что на лето мы сдаем свое основное жилище, и все вещи хранятся в гараже. Полицейские советуют проверить, не исчезло ли что-то оттуда.

– Если не возражаете, мы заберем его планшет, – говорит Эванс. – Так положено.

– Конечно, – отвечаю я.

– Про травку в ящике Джейкоба они уже знают?

– Еще нет, – натянуто отзываюсь я. *О чем Ник только думает?* – Там совсем немного, и раньше мы Джейкоба с марихуаной не видели. Он не увлекается *наркотиками* – наверное, просто экспериментирует. Такой уж возраст.

– Можно посмотреть? – просит Эванс.

Разозленная на Ника, я достаю коробочку. Теперь Эванс составит о Джейкобе совершенно неправильное представление. Констебль заглядывает внутрь.

– На самом деле вот что я хотела вам показать. – Я достаю конверт с деньгами. – Тут пятьсот фунтов, и, честно говоря, я понятия не имею, откуда они у Джейкоба и зачем ему столько.

Я подаю конверт Эвансу и забираю у него коробочку с травкой. Он спрашивает, работал ли Джейкоб, были ли у него сбережения и мог ли кто-то дать ему такую сумму денег. Мы с Ником делимся нашими предположениями, и констебль все записывает.

Остается еще пара формальностей: полицейские осматривают дом, надев синие одноразовые перчатки. Они заглядывают в ящики и шкафчики, которые я уже перерыла.

– Мы возьмем зубную щетку Джейкоба, вы не против? – спрашивает Эванс, спускаясь со второго уровня – колени у него похрустывают. Заметив мой удивленный взгляд, он объясняет, что им потребуется ДНК пропавшего.

Когда Ник, как и я, понимает, зачем полицейским ДНК нашего сына, на лице у него отражается ужас. Я приношу Эвансу щетку и отворачиваюсь, когда он кладет ее в чистый пластиковый пакетик.

Роум просит фотографию Джейкоба. Ник роется в телефоне и скидывает выбранное фото на электронную почту. Отличный снимок: Джейкоб выходит из моря, темные волосы заглажены назад. Мне тоже нравится это фото – Джейкоб выглядит здесь очень юным и невинным. Вовсе не семнадцатилетним.

Закрыв блокноты, полицейские встают, и Роум спрашивает напоследок:

– Никто не мог затаить злобу на Джейкоба? Ему не угрожали?

Вопросы сбивают с толку, и я никак не могу собраться с мыслями. За меня отвечает Ник:

– Нет, ничего такого. У Джейкоба нет врагов.

Роум пристально смотрит на меня – интересно, что она поняла по моему лицу?

Поблагодарив за уделенное время, констебли уходят, пообещав вскоре с нами связаться.

Я смотрю им вслед. Ник скрещивает руки на груди и говорит:

– Вроде все прошло нормально.

– Да, – соглашаюсь я.

За этот час я соврала полицейским лишь два раза.

Глава 9

Айла

Прежде Сара никогда не врала. По крайней мере мне. Мы ничего друг от друга не утаивали – на этом держалась наша дружба. Для того и нужен лучший друг, чтобы рассказать все от чистого сердца и без всякого стыда. Ему ты готов полностью открыться, а он будет любить тебя, несмотря ни на что. Именно так было у нас с Сарой.

Когда же мы перестали всем-всем делиться? Вряд ли это связано с каким-то конкретным событием. Вполне естественно, что со временем отношения меняются. В юности в жизни было достаточно места для лучшей подруги, но затем рядом появились новые люди – мой партнер, муж Сары, дети. Места оставалось все меньше, оно иссякало постепенно; так выходит воздух из шарика: совсем недавно он был надут – и вот уже безжизненно обмяк, всем своим видом показывая, что праздник окончен.

Лето 2000 года

Стоя у ограничителя, Сара внимательно вглядывалась в толпу людей, которая хлынула из зоны прибытия.

Я медлила: прошло полтора года, и с тех пор, как она проводила меня на самолет, многое изменилось. Эта новая Сара выглядела иначе: серьезная, с приглаженными волосами и солнечными очками на голове. Приталенное голубое платье подчеркивало выпирающий живот и загорелую кожу.

Я провела рукой по собственному животу.

Да, многое изменилось.

Заметив меня, Сара проскользнула под веревкой и с радостным визгом побежала мне навстречу.

Мы крепко обняли друг друга, неловко прижимаясь животами.

– Ты здесь! Приехала! – все повторяла Сара. Она положила руку на мой округлый живот и со слезами на глазах сказала: – Поверить не могу, мы обе беременны!

Только оказавшись на родине, я поняла, что все это реально.

– Мы станем *мамами*!

– Боже, как я по тебе скучала, – призналась Сара, снова обнимая меня. Затем она взяла меня за руку и покружила. – Только посмотрите на нее, настоящая красавица!

Моя длинная юбка струилась до щиколоток, волосы отросли почти до пояса. Загар был красновато-коричневого оттенка, а из-за беременности нос покрылся веснушками.

– Я уж думала, ты не вернешься. Мы с Ником начали разрабатывать план твоей поимки.

«Мы с Ником». От этих слов стало больно, будто мыльная пена попала в ранку на коже.

На тонком безымянном пальце Сары переливалось обручальное кольцо. Я закатила глаза, изображая шокированный вид.

– Вот это бриллиант!

– Самой не верится! – просияла Сара, шевеля пальцами.

По дороге домой мы болтали без умолку. Я боялась напряженных пауз, однако все шло по-прежнему, словно я никуда и не уезжала.

– Расскажи мне про Кабби, – попросила Сара, держа одну руку на руле, а другой сжимая мое колено.

– Мы познакомились в Непале. Он из Норвегии. Боже, Сара, он такой красивый!.. Прекраснее мужчины я не встречала. Светлые волосы, густые и длинные, и величественный прямой нос идеальной формы.

– Значит, хорошая наследственность.

– Будем надеяться! Правда, мы были вместе всего три дня, пока жили на ферме. Потом он отправился на север, а я держала путь на юг.

– Как ты могла его упустить?

– Я только через пару месяцев начала подозревать, что беременна. Мы не обменялись ни номерами телефонов, ни адресами. Я вернулась на ферму, оставила объявления... Тщетно.

Я жутко переживала из-за Кабби, который так и не узнает, что будет отцом. В итоге пришлось смириться с тем, что найти его не удалось. Положив руки на слегка округлившийся живот, я пообещала своему малышу, что восполню этот пробел и посвящу ему или ей всю свою жизнь.

Мы остановились у дома, где Сара теперь жила с Ником. Она заглушила двигатель и крепко сжала мою ладонь.

– Ты не против? Насчет нас с Ником.

– Я тебе уже тысячу раз...

– Знаю. Все равно посмотри мне в глаза и скажи. Не по телефону, не в письме. Лицом к лицу. Ты не против?

Я сняла с Сары очки и, глядя подруге прямо в глаза, ответила:

– Не против. – Она облегченно выдохнула. – К тому же поздновато давать задний ход, – добавила я, показывая на ее живот.

Сара с самого начала все мне рассказывала про Ника. Когда я звонила из хостела на Гоа, она сообщила, что они по пьяни целовались в пабе. Потом я двинулась на север, в горы, а Сара доложила об очередном поцелуе с Ником. «Кажется, я на него запала. Ты не против, Айла?» За тысячи километров от дома, среди рисовых полей и в ночных автобусах, где я дремала на плече у едва знакомых попутчиков, отношения с Ником были лишь приятным воспоминанием, я ничуть не переживала, поэтому искренне ответила: «Я за вас рада».

В следующий раз мы созвонились три или четыре месяца спустя, и к тому времени Ник уже сделал ей предложение. «Расстелил на пляже коврик, открыл корзину для пикника, а там кольцо!.. Мы обручены».

«Обручены». Это слово выбило из меня дух. С трудом взяв себя в руки, я улыбнулась и поздравила подругу.

Солнце пригревало спину, в животе толкался ребенок. Я была на седьмом месяце.

Работа завершена – я руками выкопала в песке две большие ямы.

– Готово! – крикнула я Саре.

Она шла в мою сторону с кувшином сока и миской клубники. Ее живот аккуратно выпирал вперед, словно обволакивая надувной мяч. Я же раздалась в бедрах, поэтому все говорили, что у меня наверняка будет девочка.

Я застелила ямы пляжными полотенцами.

Сара поставила поднос, встала на колени, а затем вытянулась вперед, и ее живот скрылся в идеально подходящей ямке.

– Господи, я буду вечно тебе благодарна...

Я устроилась рядом, точно так же опустив живот в песок. Я уже и забыла, когда последний раз лежала не на спине и не на боку. Ночью мне приходилось обкладываться подушками: одну – между коленей, другую – под живот.

Мы долгое время лежали молча, просто наслаждаясь удобной позой. Я лениво выковыривала песчинки из-под ногтей, время от времени прямо под ребрами толкался ребенок.

Мы почти все время были на отмени. Родители Ника купили летний дом в Испании, а этот подарили Нику и Саре. Я по несколько часов в день подрабатывала официанткой, но все свободные дни проводила здесь.

В зеленых глазах Сары блестели золотистые крапинки, и от нее пахло клубникой.

– Айла Берри, ты гений. Как хорошо, что ты вернулась.

Я с улыбкой сжала ее ладонь. Услышав голос Ника, мы обе подняли головы.

– Не видели двух беременных женщин? Они пошли в эту сторону.

– Не-а. Такие не проходили, – ответила я.

– Не загораживай солнце, – сказала Сара.

Ник отошел, снял футболку и задумчиво глянул на море – не искупаться ли? Затем, видимо, передумал и, похлопав себя по животу, попросил:

– А мне такую яму выкопаете?

Тогда я верила, что все получится. Мы будем лучшими друзьями: Сара, Ник и я.

Может, так и вышло бы, останься в моей жизни Сэмюэль. Вместе с Марли. Без них в сердце появилось слишком много места для Сары и Ника, вот равновесие и нарушилось.

А может, моей вины тут и нет.

Может, это Сара во всем виновата.

Глава 10

Сара

День второй, 11:45

Проводив полицейских, я выхожу на террасу. Кричит парящая в небе чайка, высматривая добычу внимательным взглядом.

– Прогуляемся? – доносится голос Ника.

Я киваю. Уже нет сил просто сидеть и ждать.

Мы идем мимо домика Джо и Бинкс. Бинкс дремлет в шезлонге с приоткрытым ртом. Джо щурится, глядя на кроссворд, который держит на расстоянии вытянутой руки. Эта привычная сцена сбивает с толку – все равно что выйти в ярко освещенное фойе из темного кинозала.

– Привет соседям! – оживленно кричит Джо.

Услышав наши голоса, Бинкс просыпается, трогает уголки рта.

– Сара, Ник, привет.

Бинкс терпеть не может, когда ее застают спящей днем, ведь в свои семьдесят семь она живет активной жизнью: сплавляется на байдарках с внуками и каждое утро несколько раз проплывает от одного края залива до другого.

Ник подходит к их террасе – сейчас расскажет про Джейкоба.

– Наверное, вы видели полицейских у нашего дома... Дело в том, что Джейкоб исчез.

– Как так? – резко привстает Джо. – Давно?

– С вечера воскресенья. От друзей ушел, а домой так и не вернулся.

Джо и Бинкс с задумчивым видом подсчитывают, сколько времени прошло с момента исчезновения Джейкоба, ведь сейчас уже утро вторника. Джо встает, похрустывая коленями, и кладет руку на перила.

– И что полиция?

Я пожимаю плечами.

– Говорят, большинство пропавших в итоге возвращаются сами.

– Они наведут справки, – добавляет Ник. – Последний раз вы тоже видели Джейкоба в воскресенье вечером, так?

– В воскресенье? – переспрашивает Бинкс, глянув на супруга. – Когда вы устроили барбекю на пляже? Помню-помню, мы еще подумали, как здорово, что Айла приехала. Тем более, годовщина.

Вот оно. *Годовщина*. В беседе с полицейскими мы с Ником умолчали о ней, ведь наверняка это просто совпадение.

Тот день не забыть, ведь случившееся потрясло всех старожилов отмени.

– Позднее мы Джейкоба не видели, – подтверждает Джо. – Но он вернется, я не сомневаюсь.

– Мы можем вам чем-то помочь? – спрашивает Бинкс.

– Спасибо, полиция уже взялась за дело, – отвечаю я спокойно, хотя у самой жутко трясутся спрятанные в карманы руки – хорошо, что этого никто не видит.

Отмель заканчивается лесистым мысом. Мы идем по извилистой тропинке, скорее даже по лесенке, по ступеням в земле, на которую падает тень от стройных деревьев, папоротников и зарослей ежевики. Я считаю ступени. Цифры всегда меня успокаивают. Когда голову наполняют беспокойные мысли, я начинаю считать: плитки в ванной, кирпичи в стене, цветочки на узорчатой юбке.

Девяносто восемь.

К вершине начинают побаливать мышцы. Открывается чудесный вид на молчаливую бухту под свинцовым небом, лишь на горизонте еще мелькают солнечные лучи. Влажный воздух давит на грудь, нависая тяжелой пеленой; становится тихо. Ветер не колышет сиреневые стебли вереска. Утесники и папоротники источают густой аромат. Отсюда домики на пляже кажутся игрушечными. Может, в одном из них – или где-то в лесу – скрывается Джейкоб?

Я возлагала огромные надежды на это лето: представляла, как по вечерам мы всей семьей будем играть в карты при свечах или радостно смеяться за барбекю. Кожа Ника станет загорелой, из его глаз наконец-то исчезнет страдальческое выражение. Я верила, что пляжный дом решит все наши проблемы. Трудно было объяснить любопытным мамам однокурсников Джейкоба, почему мы хотим провести лето в доме на отмели, где все зависит от непостоянной британской погоды. С одной стороны, я чувствую себя невероятно свободной, когда снимаю обувь и зарываюсь пальцами ног в песок, с другой же – я ненавижу готовить на двухконфорочной плите и вытряхивать песчинки из кровати. Однако мы возвращаемся сюда каждое лето, потому что домик помогает сплотить нашу семью. В тесном пространстве негде спрятаться, Джейкоб не уходит к себе в комнату, где его вниманием обычно сразу завладевает телевизор. На какое-то время мы выпадаем из суматохи обычной жизни и отдаемся на волю погоды и прилива.

Первые выходные на пляже прошли замечательно. Джейкоб был в отличном настроении – наверное, потому что в ближайшие два месяца мог не думать об учебе. Я много плавала и с радостью обнаружила, что нахожусь не в такой уж плохой форме. Я собиралась выйти на берег, когда увидела, что мне навстречу бежит Джейкоб в плавательных шортах.

– Мама зашла в воду, ну надо же! – радостно засмеялся он. Солнце освещало его лицо. – Поплаваем?

Я уже замерзла, но Джейкоб нечасто выражал желание побыть вместе, и я согласилась.

Он с разбегу прыгнул в воду, а я нырнула на дно и неуклюже изобразила стойку на руках, покачивая ногами в воздухе.

Джейкоба рассмешила моя неудачная попытка. Я улыбнулась, сжав зубы, а потом прыснула водой ему в лицо – я любила так подшучивать над сыном, когда он был маленьким. Он тоже стал плескаться в мою сторону, а потом бросился вперед и повалил меня, утягивая под воду.

Прыжок оказался неожиданно сильным и мощным. В нос и рот залилась соленая вода. Я стала вырываться.

Джейкоб удерживал меня всего несколько секунд; наконец, выплыв на поверхность, я стала жадно вдыхать воздух. Волосы прилипли к лицу.

Он отпрянул и перестал смеяться.

– Мам, ты как? Прости, я не хотел...

Я бы ответила: «Ничего страшного», но никак не могла отдышаться.

Мы стояли на мелководье, глядя друг на друга, и Джейкоб вдруг молча пошел к берегу.

– Джейкоб! – крикнула я ему вслед. – Не уходи! Все в порядке...

Он, не оборачиваясь, побежал в дом.

Пока я дошла, Джейкоба уже и след простыл: остались только мокрые следы на полу и полотенце на террасе.

– Думаешь, надо было рассказать про годовщину? – спрашивает Ник.

– По-моему, вряд ли это имеет значение. – Мой ответ звучит насквозь фальшиво.

– По Джейкобу, может, и не видно, но он все еще переживает, – говорит Ник.

Я вдруг вспоминаю, как Джейкоб и Марли сидели на пристани, свесив грязные ноги, и мерились пойманными крабами. «В этом двадцать три сантиметра. Смотри, какие клешни. Запросто перевернет лодку».

– Он винит себя. – Что-что? В жилах у меня застывает кровь. – Он наверняка о нем часто думает. Марли был частью его жизни. Много ты знаешь подростков, которые смотрят в бинокль на птиц? А для Джейкоба это единственное, что осталось от Марли.

– Ему было всего десять, – едва слышно возражаю я.

– Знаю. И все же не удивлюсь, если Джейкоб чувствует себя виноватым, ведь он спасся, а Марли нет. У переживших трагедию случается расстройство... как оно там по-научному называется?

– Синдром выжившего. – Я читала: симптомы включают тревожность, депрессию и чувство вины из-за того, что человек остался жив после некоего страшного события, тогда как другие погибли. – Только я не замечала у Джейкоба никакой депрессивности или повышенного беспокойства.

– Как знать, Джейкоб ведь особо с нами не делится.

– Мы бы поняли.

– Он в последнее время не говорил с тобой о Марли? – Во рту пересыхает. Я качаю головой. – При мне Джейкоб давно его не упоминал. С другой стороны, я и сам не говорю про Марли, а стоило бы. Может, нам обоим надо больше о нем говорить, иначе будет казаться, будто мы что-то скрываем. Да, случилась ужасная трагедия, однако мы в силах сохранить память о Марли. – Я с трудом заставляю себя кивнуть.

– Надо позвонить Айле.

– Зачем? – удивляюсь я.

– Джейкоб с ней близок. – Его слова ужасно ранят меня, хоть и не должны. – Он и прежде доверялся Айле, – добавляет Ник. – Они часто обсуждали Марли.

Все верно. Иногда я боялась, что Джейкобу от этих бесед будет только хуже. Он делился каким-то воспоминанием о Марли, а для Айлы это был лучший подарок – от благодарности она вся сияла.

– Недавно Джейкоб рассказывал ей, как они с Марли нашли старую доску для серфинга, которую вынесло на берег.

– Они еще цитировали свой «Устав искателей», – вспоминаю я.

Ник улыбается.

– Ребята были так дружны!

Сердце сжимается. Неужели годовщина и правда связана с пропажей Джейкоба?

– Вдруг Айла нам как-то поможет, – говорит Ник. – Джейкоб мог сболтнуть при ней что-нибудь такое...

– Вряд ли у нее там ловит мобильный.

– Ловит-ловит.

Айла уже четыре года живет и работает в Чили. Изначально она поехала путешествовать по Патагонии и так влюбилась в эту страну, что в итоге стала учителем в международной школе. Когда она там, мы редко созваниваемся и уверяем себя, что расстояние нашей дружбе не помеха. Только вот мне легче, когда Айла в отъезде, и я не перестаю задаваться вопросом, чувствует ли она то же самое. Жарким летом на отмени мы становились близки как никогда, а с приходом осени забирали все из домиков, заколачивали на зиму окна и исчезали, каждая в собственной жизни – вот так в смене времен года отражались наши с Айлой отношения.

На этот раз я с нетерпением ждала ее отъезда.

– Так что, позвонишь ей? – спрашивает Ник.

Я вспоминаю все, что мы с Айлой наговорили друг другу перед расставанием, но при Нике не стану медлить, иначе он что-нибудь заподозрит. Я достаю телефон и поворачиваюсь спиной к ветру.

– Какая у нас разница с Чили? Может, там сейчас ночь?

– Даже не представляю. Не важно, Айла поймет.

Я киваю и нажимаю кнопку вызова.

Тишина, потом гудки.

Я гляжу на Ника, а он выжидающе смотрит на меня.

Другой рукой я зажимаю левое ухо, чтобы не слышать шум ветра, а сама мысленно повторяю: «Только не бери трубку».

Глава 11

Айла

На экране мобильного предостерегающе высвечивается имя Сары. Я прекрасно знаю, что она скажет. Удивительно, что не позвонила раньше.

В итоге звонок переключается на голосовую почту. Сара оставляет сообщение, но я не слушаю его и убираю телефон на комод. Не желаю слышать ее голос. Даже думать о ней не хочу, ведь сейчас я ушла мыслями в прекрасные воспоминания. Я с Марли. Моим прекрасным Марли, который сжимает мне палец крошечным кулачком. От него исходит запах молока. Мое солнце, моя радость, мой сын.

Лето 2000 года

Когда тело вновь сотрясло от схваток, я сосредоточилась на дыхании. Резко выдохнула, потом сделала глубокий вдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Ладони сжались в кулаки, на коже выступил соленый пот.

Схватки отступили, словно затихшие волны. Акушерка стала натягивать на меня темно-зеленые компрессионные чулки.

– Анестезиолог скоро придет, – сказала она.

Я кивнула, сжав губы.

В тот момент я мечтала лишь об одном – чтобы рядом была моя мама.

Роды длились уже сорок два часа, но голова ребенка застряла в родовых путях. С каждым новыми схватками пульс у него становился все медленнее, и шансов выйти на свет естественным способом не осталось.

– Вы меня не бросите?

Акушерка крепко сжала мою руку.

– Я никуда не уйду, пока малыш не родится.

Тело снова наполнила боль.

В операционной было полно людей в медицинских халатах и масках. Плевать, что я представляла свои роды совсем иначе – в бассейне и под успокаивающую музыку. Лишь бы малыш родился здоровым и поскорее.

Наконец-то наступил долгожданный момент – обезболивающее подействовало. Спустя несколько секунд меня уже разрезали. Акушерка все время была рядом, как и обещала, и о чем-то со мной разговаривала. Хотя ниже пояса все онемело, я все равно почувствовала, что ребенок меня покинул – в теле появилась непривычная легкость. Отведя взгляд в угол, я прислушалась. Вот он, тонкий мяукающий крик.

Кто-то сказал:

– Мальчик.

Мне подали его, голенького и красного, с прилипшими к голове темными волосами. Когда я прижала к груди этот стиснутый комочек со сморщенными губками, меня переполнило чувство невероятной любви. Я поцеловала малыша и сквозь слезы искренне пообещала, что всегда буду любить его. Мой новорожденный – Марли – открыл глаза и посмотрел прямо на меня. В тот момент он был прекрасен. Просто идеален.

– Осторожнее, – сказал Ник, открывая дверь машины.

Я с трудом устроилась; каждое движение причиняло боль в области шрама от кесарева сечения.

– Не ерзай. – Ник наклонился и пристегнул меня ремнем безопасности. Закрыв дверцу, обошел машину и сел за руль. Теперь мы вдвоем были внутри. – Ну что, поехали?

Я глянула в зеркало заднего вида. Марли, одетый во флисовые ползунки, крепко спал в автомобильном кресле. Мой сын. Я улыбнулась и ответила:

– Поехали.

Я провела в предродовом отделении четыре дня. В часы посещения палаты наводняли молодые отцы и бабушки с дедушками, и иногда я воображала, как ко мне заходит мама с полной сумкой всяких подарков, и от ее одежды так и веет здоровым образом жизни. Как же я ждала, что она будет гордиться мной, скажет, что я стану хорошей мамой. Я представляла, как она достанет Марли из кровати, прижмет к себе и шепотом произнесет: «Красивее малыша я никогда не видела».

Ник завел двигатель, и мы влились в плотный поток движения. Тогда я наконец хорошенько рассмотрела Ника: давно небритый, под глазами залегли темные круги, но выглядел он при этом невероятно счастливым.

– Как там Джейкоб? – спросила я. Их с Сарой сын, похожий на темноволосого эльфа, появился на свет три недели назад – в бассейне для родов, на семь дней позже срока.

Ник широко улыбнулся.

– Замечательно. Волнующе. Жутко выматывает.

«У нас обоих мальчики», – с радостью подумала я, представляя их прекрасное будущее.

– Спасибо, что забрал меня. Но таксистом тебе не быть – мы не туда свернули.

– Вы с Марли поедете к нам, – не переставая улыбаться, сказал Ник.

– Ни в коем случае, у вас ведь Джейкоб и...

– Не отнекивайся, Айла, гостевая комната уже готова. Мы с Сарой все обдумали. Ты перенесла сложную операцию, не сможешь садиться за руль как минимум полтора месяца. Тебе нельзя поднимать тяжести и ходить по лестнице с малышом. Одна ты не справишься. Мы *очень* хотим, чтобы вы с Марли пожили у нас.

На тот момент я снимала квартиру-студию над цветочным магазином на центральной улице. Да, с лестницей пришлось бы туго, но сама по себе квартира достаточно удобная, и от свежесрезанных цветов всегда шел приятный запах.

– Мне очень неловко вас стеснять...

– Выбора нет. Не надо было давать Саре запасной ключ – я уже съездил и забрал ваши вещи. По правде говоря, своим присутствием ты окажешь нам услугу. В понедельник я вернулся на работу, Сара теперь одна с малышом. Ты нужна ей, Айла. К тому же, пока меня нет, вдвоем наши сорванцы приглядят за вами.

На глаза выступили слезы.

– Спасибо.

Откинувшись на гору подушек, я пыталась заставить Марли взять грудь, и от этого у меня сводило пальцы на ногах.

– Тоже мне «естественный процесс», – ворчала кормящая Джейкоба Сара. – Все равно что бульдог вцепился.

Я улыбнулась в ответ и вздрогнула, почувствовав прилив молока.

– Вино, парацетамол и крем для сосков – вот мой текущий набор средств для выживания.

– Прямо как рекомендовали на курсах для беременных.

Я жила у Сары и Ника уже пятый день, и за это время у нас сложился свой режим. Если ночью Сара видела, что у меня горит свет, она приходила ко мне с Джейкобом, и мы вместе кормили малышкой. По утрам, после ухода Ника на работу, мы по очереди делали крепкий кофе и бесконечно обсуждали треснутые соски и детские какашки. Когда мальчики спали,

мы укладывали их в одну кровать-корзинку и с умилением наблюдали, как они лежат рядом, прижавшись друг к другу, будто котят.

– Кажется, Ник пришел, – сказала Сара, услышав скрип входной двери. – Надеюсь, он не прочь поужинать едой на вынос. В очередной раз.

Слышно было, как Ник положил ключи и портфель и стал подниматься по лестнице.

– Мы здесь! – крикнула ему Сара.

Ник замер на пороге комнаты, скрестил руки на груди, посмотрел на нас обеих и покачал головой.

– Когда-то у меня была такая фантазия: моя супруга и еще одна женщина на одной кровати с голой грудью.

– Крепись, дорогой, – сказала ему Сара, – в ближайшие несколько месяцев ты только это и будешь видеть. – Она отняла Джейкоба от груди и передала его на руки Нику.

Ник смотрел на сына горящими глазами.

– Как тут мой мальчик? Я по тебе скучал. Не жарко ему? – Ник аккуратно снял с Джейкоба крошечную вязаную шапочку и, прижавшись носом к мягкому темечку, вдохнул сладкий молочный запах малыша. – Боже, вот бы сделать из него парфюм.

Сара по-доброму улыбнулась.

Глядя на них, я, к собственному удивлению, ощутила укол ревности. И дело не в том, что мне нужен был именно Ник или помощь с Марли, просто я хотела разделить особые моменты жизни моего ребенка с кем-то другим, а потом, через много лет, вместе о них вспоминать.

Я хотела, чтобы кто-то еще так же сильно любил моего малыша.

Четыре недели спустя я шла по пляжу с Марли, пристегнутым ко мне в сумке-кенгуру. Стоял конец октября, а утро выдалось такое солнечное и прекрасное, как будто лето еще нас не покинуло. Прожив у Сары и Ника две недели, я вернулась в свою квартиру-студию, где ходить с ребенком по крутой узкой лестнице было действительно тяжело, а с коляской еще хуже. С каждой ступенькой шрам тянул все сильнее.

– Смотри, Марли Берри, – сказала я, ступив на террасу. – Вот наш пляжный домик.

Он внимательно глянул на меня своими умными темно-синими глазками.

Я открыла дверь, и мы вошли. Внутри, как я и предполагала, пахло солью, отсыревшим деревом и книгами, и я оставила дверь нараспашку, чтобы впустить в комнату полуденное солнце. Сидя на диване со скрещенными ногами, я кормила Марли и любовалась морем. Я рассказывала сыну, как влюбилась в эту песчаную отмель с ветхими деревянными домами, где под бескрайним небом и рядом с бушующими водами чувствуется, что ты вдали от цивилизации.

С наступлением сумерек стало прохладно, так что я закрыла дверь и заткнула щель внизу старым пляжным полотенцем, чтобы не было сквозняка. Я зажгла конфорку – слава богу, правильно подсоединила газовый баллон – и разогрела привезенный рыбный пирог. Я жутко проголодалась и, не дав пирогу остыть, обожгла весь рот сливочным соусом – Марли мог проснуться в любое время, вот я и привыкла есть быстро.

На ночь я положила сына рядом с собой, накрыв одеялами. По поверхности воды танцевал лунный свет. Я шептала Марли на ушко о том, какие невероятные приключения ждут их с Джейкобом и сколько летних месяцев они проведут вместе на отмели. В ту ночь мы уснули под шум волн.

Вспоминая о прошлом, иногда я хочу взять за плечи молодую наивную себя, которая верила, что жизнь – это сплошная любовь и теплое солнце, и хорошенько встряхнуть. С другой стороны, я не прочь обнять ее и добавить: «Ты не ошибалась. Именно это и должно было ждать тебя впереди!»

Я надеялась, что домик среди песков, зажатый меж водным простором и горизонтом, по соседству с лучшей подругой, станет для нас с Марли островком безопасности. Тогда я понятия не имела, что ждет впереди, иначе бы сбежала оттуда, оставив дом на растерзание стихии – порывистому ветру и проливным дождям.

Глава 12

Сара

День второй, 16:30

Тихо ругаясь, Ник пытается открыть серый чемодан. Его – и не один, а целый набор – нам подарил на свадьбу старший брат Ника.

– Там сбоку замок, – подсказываю я.

Ник переворачивает чемодан и сквозь зубы цедит:

– Кодовый!..

– Один, два, три.

– Гениально.

Ник подкручивает нужные цифры, и металлическая застежка, отскакивая вверх, больно бьет его по костяшкам.

– Твою мать!.. Какого черта ты вообще запираешь? – рывкает он. – Здесь постельное белье. Господи, постельное белье в запертом чемодане!

Я решаю промолчать. Мы оба жутко устали и не в силах сдерживать гнев.

По совету полицейских мы копаемся в вещах в гараже – вдруг что-то пропало. С жильцами, которые снимают наш дом, мы тоже поговорили, но они не видели Джейкоба, хотя он мог проскользнуть в гараж незамеченным – запасной ключ висит под кормушкой в палисаднике. В последние годы я убираю на лето в гараж все личные и ценные вещи, вроде подаренной мамой скатерти и постельного белья из деликатной ткани, которое я даже не отжимаю в сушилке. Да, это отнимает много сил и времени, но сам процесс приносит пользу, ведь таким образом мы избавляемся от лишних вещей, засоряющих нашу жизнь.

Я перешагиваю через коробку, из которой вывалились бумаги. Собираю их с бетонного пола и кладу обратно. Рядом лежит стопка почты – по договоренности жильцы забирают ее и относят в гараж. За последнюю неделю пришли пара счетов и две поздравительные открытки для Джейкоба. На одной марка Соединенных Штатов, это от брата Ника. К открытке он приложил сертификат на скачивание музыки на щедрую сумму с припиской: «Потрать на какой-нибудь классный хип-хоп. С любовью от семьи Теда». Я представляю, как брат Ника, успешный доктор, на всю врубает хип-хоп в своем семейном седане, и мне становится смешно.

Передав открытку Нику, я открываю второй конверт, из которого выпадает чек. Узнаю почерк матери: «Моему дорогому Джейкобу на семнадцатилетие. Добавь это к своим сбережениям, а когда понадобится, потрать на что-то нужное». Я поднимаю чек и с изумлением смотрю на сумму.

– Пятьсот фунтов! – показываю я Нику. – Моя мать подарила Джейкобу пятьсот фунтов!

– Многовато, да?

«Вполне в ее стиле», – думаю я и достаю из кармана телефон.

– Ты чего? – спрашивает Ник.

– Звоню ей.

– Стой, Сара...

Она берет трубку на третьем гудке.

– Сара, какие новости?

– Ты что, подарила Джейкобу пятьсот фунтов?

– Да, на день рождения. Там открытка. Я...

– Тебе не кажется, что это слишком?

– Ну, я просто... я подумала, будет здорово добавить немного к его сбережениям. Пригодится на учебу или что-нибудь такое.

– У Джейкоба нет никаких сбережений. Ему всего семнадцать. – В ответ тишина. Все понятно. – Значит, это не первый раз?

– Я отправила ему такую же сумму на Рождество.

– Мама! – сердито кричу я. – Могла бы сказать мне!

– Я думала, Джейкоб сам тебе скажет.

Напомнив, что общение с сыном не складывается, мать серьезно меня задела.

– Деньгами его любовь не купишь.

– Сара!.. – Ник вырывает у меня телефон и спокойным голосом говорит: – Барбара, это Ник. Понимаете, мы с Сарой сейчас волнуемся и к тому же ужасно устали...

Ник замолчал – видимо, моя мать его перебила.

– Да. Да, вы правы. Знаю. Конечно, конечно, обязательно. Понимаю. Да, обязательно, – добродушно обещает что-то он. Порой складывается впечатление, что мать любит всех членов моей семьи, кроме меня самой.

Повесив трубку, Ник обращается ко мне:

– Теперь мы хотя бы знаем, откуда у него деньги.

– Да, от моей мамы!

– Она хотела как лучше.

Я поджимаю губы и молча копаюсь в вещах. Через пару минут нахожу красную обувную коробку с надписью «Колготки». Гляжу через плечо – Ник занят спортивной сумкой Джейкоба – и осторожно снимаю крышку. Внутри всякая мелочь, но я тут же нахожу чугунную фигурку лошади размером с мизинец.

Первая украденная мной вещь.

Помню, как сжала ее в ладони, словно пойманную птичку. Мы с сестрой обожали фильм «Черный красавец» и в особенности ту сцену, где дикий мускулистый конь скачет по пляжу, а в итоге его укрощает совсем юный мальчик. Мы представляли себя на месте этого мальчика и с переменным успехом практиковались в укрощении птиц и белок в саду. Не знаю, кто подарил Мэгги чугунную лошадку, но сестра с ней не расставалась: носила с собой на уроки в кармане школьной формы, ночью ставила у кровати. Поразительно – эта фигурка была с нами все детские годы, а когда Мэгги перестала с ней играть, лошадь заняла почетное место на подоконнике. Мне не разрешалось не то что играть или трогать ее – даже подходить близко. Такие правила устанавливали старшие сестры, и младшие были вынуждены им следовать.

После смерти Мэгги ее комната стала музейным залом: кровать прибрана, одежда аккуратно висит в шкафу, игрушки разложены по местам. Мама часами сидела в комнате сестры и плакала. Прижимаясь губами к закрытой лакированной двери, я шептала: «Мама, я здесь! Я-то жива!»

Однажды, пока мама была внизу, я зашла в спальню Мэгги и взяла с подоконника чугунную лошадку. Уже в своей кровати я накрылась одеялом и стала играть с ней. Мама не обращала внимания на то, что я уходила в школу непричесанной и без бутербродов, зато пропажу фигурки заметила сразу же. Она в лоб спросила, не я ли взяла лошадку, и я ответила: «Нет, мамуля, я ничего не брала». Лживые слова поначалу комом встали в горле, и все же соврать оказалось проще, чем я думала. Просто надо смотреть прямо в глаза и не отводить взгляд.

Потом я крала часто: то ластик у соседки по парте, то пластиковое ожерелье из школьной костюмерной, но вещи сестры я больше не трогала. Годам к восемнадцати эта одержимость понемногу сошла на нет, и какое-то время я вообще ничего не воровала. А потом как-то раз я пошла в гости к Стелле, маме Ника. Она всю жизнь проработала терапевтом и, даже выйдя на пенсию, не сидела на месте – занималась волонтерством, ходила в походы и на всякие курсы для взрослых. Стелла и Дэвид, отец Ника, жили в таунхаусе, где все напоминало о некогда большой семье: комнаты сыновей прибраны в ожидании их визита, на стенах полно фотографий, у подножия огромного продавленного дивана куча книг. Стелла любила повторять, что

хозяйка из нее никакая, как будто сама мысль об уборке была ей неприятна. В раковине часто лежали горы посуды, а на столах – кипы старых газет и писем, но в их доме чувствовалась жизнь, и это было здорово. Зато я на чистоте буквально помешалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.